

Лилия Орланд

Новая
ХОЗЯЙКА
ГРИНВУД-ХОЛЛА

Лилия Орланд

Новая хозяйка Гринвуд-Холла

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Моя жизнь никогда не была похожа на сказку: я сирота, живу у дальней родственницы, работая целый день и то и дело выслушивая упрёки.

Случайная встреча на берегу реки перевернула мою жизнь. Появилась надежда на любовь и счастье. Вот только мои кузины решили отобрать у меня всё!

Но я буду бороться за своё будущее...

В книге есть:

- усадебное фэнтези
- бытовое фэнтези
- любовь и предательство
- нормальный мужчина
- адекватная героиня

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	51
Глава 5	61
Глава 6	72
Глава 7	82
Глава 8	90
Глава 9	103
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Лилия Орланд Новая хозяйка Гринвуд-Холла

Глава 1

Позорный столб стоял в дальнем углу двора.

Он уже давно стал обыденной деталью пейзажа и привлекал внимание не больше, чем колодец с лавками по бокам или загон для гусей. Но сегодня каждый старался как можно тише и незаметнее проскочить мимо, опуская глаза и делая вид, что столба на привычном месте вовсе нет.

Всё из-за Тины, светлая сорочка которой ярко контрастировала с потемневшим от дождей деревом. И выглядело это пугающе. Пробегая мимо с очередным поручением, я скользнула случайным взглядом по столбу, вздрогнула и постаралась скорее миновать это место. Но картинка прикрытой лишь короткой сорочкой Тины с поднятыми вверх и привязанными грубой верёвкой руками крепко припечаталась к внутренней стороне век.

Мужчины относились к наказанию чуть проще, философски рассуждая, что всякое бывает, но я видела, как они вздыхали тайком, жалея молодую девуку.

Впрочем, не все жалели Тину, некоторые считали, что она сама виновата и заслужила наказание. Не нужно было грешить.

А меня пугала сама простота, с которой моя тётка миссис Прайс решила человеческую судьбу. Три человеческие судьбы: Тины, её возлюбленного и её ещё не родившегося ребёнка.

– Эбилейль! – разнёсся по двору рассерженный голос, вторгаясь в мои размышления о несправедливости и заставляя вздрогнуть от испуга. Тётушка не любила ждать, а я слишком долго провозилась в роще, да и сейчас задумалась, невольно замедлив шаг. Поэтому приподняла передний край юбки, чтобы не мешал, и со всех ног припустила к дому.

Не приведи Жеана тоже оказаться у позорного столба. Тётушка скоро на расправу.

В дом я вбежала запыхавшаяся, с растрепавшимися волосами. Прежде чем открыть дверь, замерла на несколько секунд, успокаивая дыхание, оправляя платье и одновременно приглаживая косу. С тётушки станется за эту самую косу меня оттащить, если посчитает, что я неподобающе выгляжу или веду себя как простолюдинка.

Ещё один вдох, выдох, и я потянула на себя тяжёлую створку.

– Где ты ходишь, Эби? – из классной комнаты выглянула кухня Юлия, старшая дочь миссис Прайс, и тут же состроила недовольную гримасу: – Мы уже тебя ждали. Давай

скорее.

Ну вот. Сейчас начнётся. Я внутренне приготовилась и шагнула вслед за ней.

Комната называлась классной, потому что здесь постигали азы наук все младшие члены семейства Прайс: мои троюродные кузины Юлия и Анна, а также кузен Алекс.

Впрочем, сёстры-погодки уже давно завершили домашнее обучение, которое пристало девушкам их круга: этикет, музицирование, танцы, вышивание, поэзия, ведение хозяйства. Обе находились в невестинной поре. А Юлия была давно помолвлена, дожидались только возвращения жениха из заморского путешествия, чтобы просить благословения богов.

А вот к Алексу ещё ходил учитель, и кузен был этим не слишком доволен. Ибо к умственному труду не питал никакой склонности. Если бы матушка позволила, Алекс целый день махал абордажной саблей, привезённой когда-то его покойным батюшкой из-за моря, да скакал верхом на выписанном из столицы жеребце виолентских кровей.

Миссис Прайс держала в ежовых рукавицах не только поместье, но и собственных детей. Никто не смел ей перечить. А если только задумывался о нарушении правил, потом очень об этом жалел.

Войдя в комнату, я присела в быстром книксене, и прошла к столу, за которым уже восседала тётушка с весьма недовольным выражением лица. Не дожидаясь, пока она начнёт меня распекать, я положила перед ней принесённую охапку

цветов и, опустив глаза, быстро проговорила:

– Простите, тётушка, я задержалась.

– Эбилейль, – произнесла она нарочито спокойным голосом, за которым ощущалось предвкушение. Иногда мне казалось, что для миссис Прайс особое удовольствие – изводить меня историей моего неблагоприятного появления на свет. – Ты ведь знаешь, что я пожалела тебя и облагодетельствовала, несмотря на грех твоей матери. Я приютила тебя и растила как собственное дитя. Твоя неблагодарность...

Дальше я уже не слушала, зная наизусть каждое слово. Тётушка взяла меня к себе, когда умерла моя мама, приходившаяся миссис Прайс какой-то дальней родственницей. Моего отца никто не знал, ибо мать зачала меня во грехе, не получив благословения богов на супружество. Мне суждено было стать парией, изгоем и бродить неприкаянной по свету, прося милостыню и голодая. И лишь благодаря милосердию тётушки я имею семью и кров над головой.

То, что за этот кров мне приходится работать наравне с прислугой, не озвучивалось. Ещё мне позволялось донашивать старые наряды кузин и иногда доедать деликатесы, оставшиеся на их тарелках. Хотя я предпочитала простую еду на кухне вместе с прислугой.

– Ты поняла, Эбилейль? – спросила миссис Прайс грозным голосом, и я склонила голову ещё ниже.

– Да, тётушка.

Из её уст моё полное имя звучало насмешкой. Ведь оно

означало «радость отца», а у меня его никогда не было.

– Тогда начнём урок, – миссис Прайс пухлыми, униженными перстнями пальцами раскрыла лежавшую перед ней книгу.

«Профессор Дж. Байонс «Язык цветов. Полный справочник для благородных леди» успела я прочесть на обложке. Книга была толстой, с плотными страницами, где цветные иллюстрации перемежались мелкими буквами описаний и значений каждого цветка.

Вчера за вечерним чаем миссис Гаррис, закадычная подруга и вечная соперница миссис Прайс, поведала, что в соседнем имении наконец объявился наследник. Старый мистер Хокс скончался три года назад, с тех пор дом почти пустовал. И вот наконец приезжает законный владелец, к тому же, по слухам, молодой и ещё неженатый.

Чем не повод обновить свои знания в языке цветов и при случае блеснуть при богатом соседе? Анна-то ведь ещё ни с кем не обручена.

– Начинай, – велела миссис Прайс, и я достала из разноцветного вороха полевых и садовых цветов первый попавшийся под руку тёмно-зелёный стебель, украшенный небольшими синими чашечками с пятью лепестками.

На несколько секунд в комнате повисла гнетущая тишина.

– Мам, ну что она сразу с самого сложного?! – недовольно топнула ножкой Анна. – Эбка это специально, чтобы выставить меня тупой.

Ей тоже было семнадцать, как и мне. И она невзлюбила меня с самого первого дня, когда я появилась в этом доме десять лет назад. Наверное, поначалу Анна переживала, что любовь тётушки, отведённая второй дочери, может достаться мне. Но даже когда стало ясно, что любви мне здесь не видать, кузина не успокоилась.

Она оказалась неутомимой выдумщицей: пролитый на мои простыни травяной отвар, оставивший большое желтоватое пятно, испорченные платья, отрезанные во сне волосы...

Лишь в первый раз, трясаясь от страха перед лицом неминуемого наказания, я удивилась его несправедливости и рассказала, что это Анна отрезала кусок подола. Тётушка назвала меня лгуньей и заставила натереть язык мыльным корнем, прежде чем наказать меня двойной порцией розог.

Потом я молчала, плача по ночам в подушку и удивляясь очередному выверту богатой фантазии кузины.

К счастью, сейчас Анну больше занимали возможные женихи и подготовка приданого, поэтому я могла спать почти спокойно.

– И что это за цветок? – к счастью, тётушка не повелась на подначку, но поднятый на меня взгляд был тяжёлым и предупреждающим.

– Барвинок, – быстро ответила я, боясь вызвать её недовольство своей медлительностью, – можно посмотреть на букву «Б»...

– Не умничай, – перебила меня Анна, переступая ногами и вонзая острый каблук в мысок моей мягкой, растоптанной туфли, – мы сами знаем, где смотреть.

Пальцы ноги пронзила боль, но я лишь тихо охнула и стиснула зубы, чтобы не привлекать к себе внимание. Кузина знала, что я не осмелюсь жаловаться, уйти тоже не могу. Она может издеваться надо мной, сколько захочет.

Видимо, рано я решила, что Анна повзрослела, и мне можно успокоиться.

Алекс медленно и осторожно, самыми кончиками пальцев переворачивал страницы в поисках буквы «Б». К книгам он вообще подходил с опаской и, будь его воля, держался бы от них подальше.

– Давай я, – первой, как ни странно, не выдержала Юлия. Она забрала у Алекса книгу и начала сама переворачивать страницы. Наверное, ей стало просто любопытно, ведь жених у неё наличествовал, и не было необходимости производить впечатление на нового соседа.

А Анна была слишком занята расплющиванием моих пальцев, и это доставляло ей слишком большое удовольствие, чтобы отвлечься ещё на что-то.

– Вот, – наконец нужная страница была найдена и открыта.

Сквозь выступившие слёзы я видела смутные очертания рисунка.

– Алекс, читай, – велела тётушка.

– А чего сразу я? – обиделся кузен, для которого складывание букв в слова так и оставалось почти непосильной премудростью. Вот только учителя боялись о том докладывать скорой на расправу матушке ученика, и она оставалась в блаженном неведении. – Пусть вон Юлия читает. Это девочкам надо замуж выходить.

– Тогда уж пусть Анна, – быстро перевела стрелку старшая, – у меня уже есть жених.

– Пусть читает Эбка, – решила младшая кузина, на моё счастье, делая шаг назад и оставляя мою многострадальную ногу в покое. – А мы будем запоминать.

– Читай, Эбилейль, – приказала тётушка, и я двинулась к книге, стараясь ступать на пятку.

– Барвинок является символом жизненной силы и вечной любви... – без труда прочитала мелкие буковки.

Читать я научилась ещё в той, своей прошлой жизни, о которой знала немного, и то исключительно по рассказам тётушки. Лекарь, который осмотрел меня лишь однажды, на второй день как я оказалась в поместье Прайс, диагностировал потерю памяти, связанную с сильным потрясением.

За минувшие десять лет я построила много версий произошедшего и решила, что меня потрясла смерть моей мамы. Больше всего меня тяготило, что я совсем не помнила её лица или голоса. Пела ли она мне песни на ночь? А может, предпочитала рассказывать сказки, которые я очень любила слушать и сейчас. Какого цвета у неё были глаза? А волосы?..

– Так, с этим понятно, – перебила мои воспоминания тётушка, – давай следующий.

Я вытащила из охапки одуванчик. Эти жёлтые весельчаки, всегда вызывавшие у меня улыбку, уже отцветали, превращаясь в белые шары, так и норовившие разлететься по ветру пушистыми снежинками. Мне стоило немалого труда найти цветущий образец.

– Мама, эта гадина издевается над нами! – в голосе Анны слышалась угроза, и я инстинктивно сделала ещё один шаг в сторону, подальше от её каблуков. – Ну кто будет дарить леди одуванчики?

Леди не визжат и не давят каблуками ноги своих дальних родственников, хотелось бы мне сказать, но, как и всегда, я промолчала.

– Зачем ты принесла одуванчики, Эбилейль? – голос тётушки дышал обманчивым спокойствием.

– Вы велели принести разных цветов. И я подумала, что, прогуливаясь с леди по лугу, джентльмен может преподнести ей одуванчик, чтобы вызвать улыбку. Ведь этот цветок является символом счастья и чистой радости.

Признаться, это было чистой воды фантазией. До сегодняшнего дня я не знала ни о каком языке цветов и могла говорить лишь о тех эмоциях, что растения вызывали у меня.

Для меня каждый цветок, каждая травинка были живыми. Иногда мне казалось, что я слышу их тихие голоса, ощущаю ласку прикосновений. Что бы я ни посадила в землю,

всё приживалось, колосилось и цвело. Это заметила и тётка Марта, повариха, всегда звавшая меня, когда приходило время сажать зелень для кухни. И садовник Бирн, которому я помогала выращивать саженцы. Только полол клумбы Бирн без меня, потому что там, где проходились мои руки, всё росло вдвое быстрее.

И сорняки тоже.

Я прочитала значения ещё нескольких цветов. Анна решила, что ей больше всего подходят маргаритка и ромашка, олицетворявшие, по мнению профессора Дж. Байонса, невинность и чистоту помыслов.

По моему мнению, кухне больше подошли бы ноготки – символ жестокости. Но моего мнения, к счастью, никто не спрашивал.

– Эбилейль, отнеси книгу в библиотеку и иди на кухню, – уставшая от непривычного занятия тётушка зевнула, целомудренно прикрывая рот кулаком.

Одной рукой я сгребла больше не нужные цветы, другой – подхватила увесистый труд профессора Байонса и потащила то и дело норовивший выскользнуть из-под мышки фолиант в библиотеку, находившуюся на втором этаже. Сюда заходили редко, в основном для того, чтобы проверить, как хорошо я вытерла пыль и натёрла мастикой паркет.

Утвердив книгу на положенном ей месте, я тайком выскользнула через заднюю дверь и добежала до огорода, чтобы прикопать растения. Так они послужат удобрением дру-

гим, а затем начнут новую жизнь.

Возможно, я и ненормальная, как говорили некоторые, но всё живое вызывает у меня уважение. Будь то былинка или мотылёк.

Омыв руки в ведре у садового колодца, я поспешила в кухню, предупредить повариху и помочь ей с обедом. Тётушка не любила долго ждать.

– Эби, скорее! – при виде меня лицо Марты выразило целую гамму эмоций, к моему счастью, самым сильным было облегчение. Повариха кивнула головой на разделочный стол, по центру которого лежал старый плотный лист потемневшего пергамента. – Госпожа опять заказала блюдо по рецепту.

Слово «рецепт» Марта произносила по слогам, с уважением и даже некоторым страхом. Каждый раз, когда такой пергаментный листок появлялся в кухне, это стоило поварихе немалых нервов.

Сборник рецептов миссис Прайс получила от своей матери, та от своей... и так далее. Первоисточник установлен не был. Но некоторые листки, судя по потрёпанному виду и древним рунам, явно писались несколько столетий назад.

Руны в поместье могла прочесть только я. Слуги и рабы не знали даже азбуки. Прайсы не любили забивать себе голову чем-то лишним. Да и приходившие к кузену и кузинам учителя вряд ли были знакомы с рунописью.

Говорят, в столичной академии магии адептов обучают древним знакам, потому что с их помощью и составляют за-

клинания. Для подстраховки. Чтобы простые люди не могли прочесть и случайно вызвать землетрясение или цунами.

Откуда у семилетней девочки появились такие знания, я могла только предполагать. Но тешила себя мыслью, что моя мама была не гулящей девкой, как о ней иногда отзывалась миссис Прайс, а самым настоящим образованным магом.

Я подошла к столу и всмотрелась в исписанный рунами листок. Этот рецепт был очень старым, записанным почти стёршимися знаками.

– Говяжий язык, томлённый в соусе из красного вина с травами... – начало я прочитала довольно быстро, а вот дальше, при перечислении трав, начались сложности. Две руны были затёрты ровно по центру. И я навскидку могла назвать несколько трав, которые они могли обозначать. – Дальше не могу разобрать...

Если бы тётушка позволила взять другие листы пергамента для сравнения, я, скорее всего, опознала бы стёршиеся руны и скрывающиеся за ними ингредиенты. Но миссис Прайс выдавала всегда строго по одному рецепту, остальные хранились в кабинете покойного мистера Прайса, надёжно запертые в ящике стола.

Я растерянно посмотрела на Марту. В её глазах разгорался самый настоящий страх. Кажется, мы обе вспомнили о позорном столбе и стоящей у него Тине.

– Давай попробуем поразмышлять... – предложила я, стараясь прогнать из памяти картинки с обессиленным жен-

ским телом, продолжавшим оставаться в вертикальном положении лишь благодаря верёвке. – Ты же много раз готовила язык. Какие травы к нему подходят?

– Ну... розмарин, тимьян... – начала вспоминать Марта, – ещё можжевеловые ягоды можно, от них аромат хороший будет...

– Отлично! – с преувеличенным воодушевлением воскликнула я, возвращаясь к пергаменту. – Ты угадала. Именно эти приправы здесь и указаны.

– Ты уверена? – повариха смотрела настороженно. Конечно, Марта меня давно знала, и у неё не было причин мне не доверять, но всё же я сама только что была растеряна, а тут вдруг начала сыпать оптимизмом.

– Ну конечно, вот смотри, – я сунула ей под нос листок, тыкая пальцем в затёртые руны. – Вот если тут провести чёрточку, то будет розмарин. А вот здесь дорисовать дугу, тогда получится тимьян. Эта руна не читается, но ты сама сказала, что можжевеловые ягоды хорошо подходят к языку. Так ведь?

– Так, – подтвердила всё ещё испуганная повариха.

– Вот и клади их, всё равно ведь тётушка не узнает, – я постаралась вложить в голос всё убеждение, на которое была способна. А что ещё оставалось?

– А если узнает? – Марта всё ещё сомневалась.

– Откуда? – не отступала я. – Ты ей скажешь?

Повариха отчаянно замотала головой.

– И я не скажу. А больше, – нарочито обвела глазами пустую кухню, – здесь никого нет. Главное, не забыть, что ты положила, чтобы в следующий раз ничего не напутать.

– Поможешь мне? – попросила Марта. – Сегодня к обеду будут гости, а времени осталось – три часа.

Я кивнула.

Что будут гости, и так догадалась. Тётушка доставала старые рецепты, лишь когда хотела прихвастнуть перед соседями. Вопрос – кто именно приедет? Если миссис Гаррис с дочерью, мне лучше лишний раз не высовываться. И сразу же запастись двойной порцией терпения, потому что отсидеться в тёмном углу всё равно не дадут.

Глава 2

– Я принесла, – помощница поварихи, пятнадцатилетняя Белька, запыхавшись, вбежала в кухню, прижимая к груди завернутый в тряпицу свёрток. – Вот.

Белька гулко шмякнула свёрток на стол и тут же начала тереть озябшие и покрывшиеся мурашками руки.

– Сколько раз говорила, тулуп накидывай, когда в ледник ходишь, – беззлобно и скорее по привычке буркнула Марта, начиная разворачивать свёрток.

Белька так же привычно кивнула и зачерпнула кружкой воды из котла с горячей водой, дуя на неё и делая шумные глотки. Помощница поварихи была длинной и нескладной, а благородное имя Анабель досталось ей каким-то чудом не иначе. Но, разумеется, полным именем Бельку никто не называл.

Как и меня.

В свёртке оказались два крупных говяжьих языка. Марта внимательно рассмотрела их на свету, понюхала и признала пригодными для званого обеда по рунному рецепту.

– Белька, – велела она, оглянувшись и убедившись, что девчонка уже допила кипяток и согрелась, – беги в погреб, принеси картошки и кореньев. И быстро, ещё на огород надо за травами и воды наносить. А ты, Эби... – она посмотрела на меня и, дождавшись моего кивка, попросила: – Собери

можжевеловых ягод. Две горсти. И смотри, чтобы спелые и целые.

– Хорошо, – я кивнула ещё раз, улыбнулась поварихе, уже окончательно отошедшей от потрясения и вернувшейся в свою стихию, и вышла из кухни через заднюю дверь, обращенную к грядкам.

Конечно, через передний вход было бы быстрее, вот только он вёл во двор. А первое, что сейчас там бросалось в глаза, – это позорный столб и привязанная к нему Тина.

Я обошла кухню, миновала ледник, людскую и плотницкую и только тогда свернула к лугу, за которым виднелся лес. Здесь я вдохнула глубже, чувствуя свободу и необъяснимую радость, которая наполняла меня каждый раз, стоило только покинуть обжитую часть поместья и оказаться среди природы.

Казалось, здесь мне очень рады. На лугу зелёные травинки и разноцветные лепестки словно нарочно тянулись ко мне, стараясь коснуться подола поношенного платья. И я опустила руки, скользя пальцами по хрупким стебелькам в ответной ласке.

Лес встретил меня прохладной тенью, зашумел, приветливо взмахивая листьями. Я коснулась шершавой коры дуба, провела ладонью по гладкому стволу берёзы. Улыбнулась осинкам, затрепетавшим от такого внимания.

И пошла дальше вглубь, туда, где виднелись искривлённые стволы сосен. А затем свернула к реке. На обрывистом

берегу росли три старых можжевельника. Они не скрипели, жалуясь на возраст, но я чувствовала накопленную десятилетиями мудрость, когда прикасалась к мягким иглам, легко проводила пальцами по шершавым стволам.

– Прости, дедушка, – прошептала, прежде чем сорвать первую ягоду, синевато-красную, уже созревшую, но ещё продолжавшую цепляться за ветку.

Короткие иголки зашелестели, убеждая, что я не причиняю боли. А следующие ягодки словно сами прыгали в пальцы. Стоило только коснуться.

– Спасибо, дедушки, – набрав две горсти, как и велела Марта, я низко поклонилась, благодаря за щедрый дар.

И уже подхватила подол платья, собираясь поспешить обратно в поместье, как вдруг услышала голоса. Мужские. Молодые. Звонкие и радостные.

Я остановилась. Обернулась и прислушалась. Кажется, мужчины купались в речке. Голоса сменились вознёй, плеском воды и хохотом.

Влекомая любопытством я сделала несколько шагов по направлению к обрывистому берегу. Крайний из можжевельников попытался зацепить иголками мою одежду, предупреждая, останавливая. Но я только отмахнулась.

Конечно, негоже юной деве наблюдать за раздетыми парнями (а купаются парни обычно раздетыми, это я знаю из разговоров служанок), но мне ведь и не надо наблюдать. Так только... взглянуть одним глазком. А то не могу по голосам

определить, кто из парней среди дня решил искупаться. Поэтому посмотрю, кто там, и побегу помогать с обедом.

Не то что бы мне было важно, кто сбежал с полевых работ, чтобы окунуться в речке. И доносить тётушке, упаси боги, я не собиралась. Предупредить разве парней, чтобы не забывались и следили за временем.

Да и было просто любопытно взглянуть. Всё же голоса я так и не узнала.

Я мягко отвела в сторону колючие ветки и сделала шаг вперёд, выходя из-под спасительной тени на открытый берег. Солнце сразу же вцепилось в глаза, ослепляя и заставляя вскинуть руку в защитном жесте. Веки сами зажмурились, погружая меня в яркий желтовато-красный мир, где ничего не было видно.

Проморгалась я довольно быстро, вытирая выступившие слёзы, взглянула на противоположный берег, собираясь опознать купальщиков и снова нырнуть в спасительную тень, так и оставшись невидимой для них.

Но было поздно.

– Смотри, там селянка! – закричал один из мужчин, указывая прямо на меня. – И какая хорошенькая. Эй, селянка, иди к нам! Водичка такая тёплая.

Щёки обожгло стыдом.

Меня не просто приняли за безродную крестьянку, ещё и были абсолютно правы, ведь такое поведение не пристало благородной леди. И пусть моё благородство вызывало массу

вопросов, пусть у меня не было денег, и жила я лишь добротой тётушки Прайс, но гордость и достоинство должны были помешать мне совершить столь неблагоприятный, опрометчивый поступок.

Должны были, но не помешали.

А ведь я подглядывала за благородными господами. Не знаю, кто это такие, и как здесь оказались, но это точно не кто-то из местных парней.

Бежать. Бежать отсюда как можно скорее.

Одной рукой подхватив подол, а другой придерживая карман с ягодами можжевельника, я мчалась сквозь перелесок, мучимая стыдом и ругая себя последними словами.

Если тётушка узнает... Да если хоть кто-то узнает...

Какая же я идиотка.

Но самое ужасное, что картинка, где два почти обнажённых мужских тела стоят по колено в воде, прочно въелась в мою память.

И как я ни мотала головой, как ни зажмуривала глаза, картинка отказывалась исчезать, повергая меня в настоящий шок.

Но, если совсем уж честно признаваться, картинка была что надо. Потому что мужчины выглядели не чахлыми, субтильными юнцами, вроде сыновей миссис Бессон. Эти незнакомцы явно были знакомы со спортом, который пару лет назад вошёл в моду среди столичной молодёжи.

Прошлым летом к миссис Гаррис приезжала племянни-

ца. Я слышала, как она рассказывала об этом новом увлечении. Молодые лорды вдруг перестали поголовно увлекаться картами и вином. Вместо этого они собираются в закрытые спортивные клубы, где, раздевшись по пояс, выполняют всякие спортивные упражнения, отчего у них появляются красивые и приятные на ощупь мышцы.

Откуда племянница миссис Гаррис знает, что раздеваются по пояс, и что мышцы красивые, если клуб закрытый, я спросить не решилась. Но юные леди слушали эти рассказы внимательно и с некоторой мечтательностью во взглядах, думая, представляли те самые приятные на ощупь мышцы.

В кухню я вбежала взъерошенная и красная, как варёные вчера на ужин раки, понимая, что и сама не удержалась от соблазна.

– За тобой кто-то гнался? – спокойно поинтересовалась Марта, лишь на миг отвлекаясь от снятия тонкой плёнки с языков и тут же возвращаясь обратно к работе.

– Медведь? – звякнуло ведро, и из погреба показалась голова Бельки, уставившейся на меня круглыми от любопытства и страха глазами.

В прошлом году в дальнем малиннике девушки встретили медведя. Вот было крику, а потом разговоров до самой зимы. Никто не пострадал. Из девушек. Про медведя не знаю, больше его никто не видел.

– Нет, – я покачала головой и отвернулась, делая вид, что увлечена пересыпанием ягод в глубокую миску.

— А кто тогда? — Белька была напрочь лишена деликатности, зато до краёв наполнена любопытством. От неё так просто не отвяжешься.

— Да чуть на гадюку у реки не наступила, — выдала я первое, что пришло в голову. — Испугалась.

— А-а, — разочарованно протянула Белька. Гадюка была делом, часто встречающимся, и ничего интересного собой не представляла.

А я плеснула в миску воды, промывая ягоды и убирая всплывшие иголки. Про купающихся в нашей речке чужаков рассказывать я никому не собиралась. Они тут, скорее всего, проездом. Решили освежиться в самый зной, вот и остановились на берегу.

Королевский тракт от поместья располагался в трёх верстах, но для конных это не расстояние. Могли и проехать вдоль речки. Или свернуть к кому-то. В десятимильной округе, кроме нашей, находилось ещё полтора десятка усадеб. Мало ли к кому могли заехать двое молодых мужчин.

Главное, что не к нам.

И не к миссис Гаррис Она не преминет привезти их к миссис Прайс, чтобы похвастаться перед подругой. Потому что знакомством с такими только и хвастаться.

От подобной перспективы я вздрогнула. Не приведи Жана, помилуй Муар.

И снова вернулась к ягодам. Боги с ними, с господами, мне нужно работать.

Потом мы с Белькой чистили и резали коренья, просеивали муку, толкли в ступке пряные травы. Марта внимательным взором следила, чтобы всё было идеально: в овощах не попадалось ни единого пятнышка гнили, а кусочки выходили не слишком крупными и не слишком мелкими. То и дело она заставляла меня вновь перечитывать рецепт, по несколько раз повторяя ингредиенты и их количество.

Я не возмущалась, послушно озвучивала полустёртые руны. Перед гостями тётушка не может упасть лицом в грязь, и если Марта хоть в чём-то просчитается, миссис Прайс ей этого не спустит.

Да и на мне тоже отыграется. Всем известно, что старые руны могу читать только я. А значит, моей вины будет не меньше.

Наконец язык был протомлён, сколько надо, коренья тоже доспели. В печи доходили хлеба, обещая румяную и хрустящую корочку.

Марта занервничала ещё сильнее, уже в третий раз гоняя Белку в огород за травами для украшения блюд. Сорванные стебельки то были слишком коротки, то недостаточно ровны.

Я же вышла из кухни и отправилась в дом. Проследить за тем, как накрывают стол, тоже было моей обязанностью.

Усадьба Прайсов была устроена очень удобно, практично и рационально, при этом не лишена красоты. Уверена, что в этом была заслуга мистера Прайса. Господский дом стоял в

центре, по обе стороны от него расположились хозяйственные службы – кухня, погреб, ледник, плотницкая, людская.

По левую сторону за службами располагался небольшой огород, чтобы на кухне постоянно были свежие овощи и зелень. Дальше росли два десятка фруктовых деревьев, отделяя усадьбу от луга, за которым виднелась зелёная стена леса.

По правую же сторону располагался живописный парк – особая гордость хозяйки. Здесь миссис Прайс демонстрировала своим гостям после званных обедов редкие виды цветов и кустарников, привезённых когда-то супругом из-за моря. А барышни Прайс прогуливались с немногочисленными кавалерами, радуясь относительному уединению.

Мне туда вход был категорически запрещён. Тётушке не нравилось, когда я «шныряю без дела и пялюсь на редкие заморские цветы».

Я легко сбежала по деревянным ступеням кухни и через боковую дверь вошла в господский дом, оказавшись сразу в буфетной. Две молоденькие горничные навтыжку стояли у покрытого скатертью стола и ждали.

Я встала рядом с ними, опустил в пол глаза и невольно задерживая дыхание. Хотя в душе всё же шевелилась надежда: может, в этот раз обойдётся?

Не обошлось.

Тётушка только вошла, только окинула нас троих хищным взглядом, так сразу стало понятно, что она сильно не в духе,

а значит, ей нужно из кого-то этот дух повытрясти, чтобы самой обрести душевную гармонию.

А мы как раз тут стоим готовенькие. Тряси, сколько хочешь.

– Ты выглядишь как дворовая девка, – тётушка решила начать с меня, – сложно было причесаться? А платье... Что ты с ним делала? Валялась в грязи со свиньями? Посмотри на свои руки... Как ты собираешься подавать еду такими руками? Или ты хочешь испортить аппетит моим гостям? Немедленно надень перчатки! Не позорь меня.

– Да, тётушка, – я сделала короткий книксен и, по-прежнему не поднимая глаз, повернулась к выходу.

– Куда ты собралась?! – взревела миссис Прайс. В её голо-се появились металлические нотки. Причём это был раскалённый металл. Я замерла на половине движения. – Изволь стоять и слушать дельные советы того, кто старше и умнее тебя. Неблагодарная дрянь. И зачем я только согласилась на уговоры супруга, упокой Муар его душу. От тебя сплошная головная боль и одни разочарования. Ты такая же, как твоя мать, и кончишь ты так же. И все мои старания всё равно пойдут прахом...

Я молча стояла, усиленно разглядывая тёмное пятнышко на паркетной доске. Наверное, на этом месте когда-то располагался сучок. Ногти я изо всех сил вогнала в ладонь. Боль помогала отвлечься от несправедливых, обидных слов тётушки.

Возможно, я и не самая благодарная родственница на свете. Хотя и стараюсь заслужить тётушкину похвалу. Я много работаю наравне с прислугой и не ем свой кусок хлеба даром.

Вот только злые слова о моей маме обижали до глубины души. Пусть я её не помню, но уверена, что она была самой лучшей, самой доброй и любила меня как больше никто в этом мире.

Я старалась отвлечься, размышляя о пятнышке-сучке. Думая, каким было дерево, которое спилили и разрезали на паркетную доску. Был ли этот дуб высоким и стройным или мощным и кряжистым.

Обидные слова перестали быть различимы, сливаясь в общее «бу-бу-бу». Наконец тётушка выдохлась. Я заметила, как подобрались обе служанки, Иса и Неса, уверенные, что теперь хозяйка примется за них.

Но миссис Прайс уже вылила весь яд на меня. Поэтому обеих девушек только окинула грозным взглядом, под которым они вжали плечи, ещё ниже опуская головы и, кажется, задерживая дыхание.

А потом уже совсем другим, но по-прежнему властным тоном сообщила:

– Гостей будет пятеро: миссис Бессон, двое её сыновей, разумеется, миссис Гаррис с дочерью. А также мы, то есть всего девять человек.

Одновременно со счётом миссис Прайс достала из кармана связку ключей, выбрала нужный и открыла одну из ство-

рок большого буфета из вишнёвого дерева, где хранилась посуда для званных обедов.

— Так, один, два, три, четыре... девять... — тётушка отсчитала нужное количество серебряных вилок, ложек для супа, десертных вилочек и ложечек, ножей и прочего, необходимого, чтобы не ударить в грязь лицом перед гостями.

В обычные дни Прайсы пользовались столовыми приборами попроще, из меди с тонким серебряным напылением. Но миссис Гаррис, лучшая подруга миссис Прайс, такие вещи чужала за милую, определяла на вкус, видела на свет, в общем, немедленно раскусила бы подмену. Поэтому к её приезду из буфета доставалось столовое серебро.

Следом открылась створка, скрывающая фарфоровый сервиз, который когда-то мистер Прайс привёз из-за моря.

Служанки споро подскочили и осторожно, как величайшую ценность, понесли к столу. Первой на скатерти оказалась стопка из девяти глубоких тарелок, на дне которых сияли разноцветными перьями неведомые птицы, а по краю переплетались друг с другом невиданные цветы. Следом две стопки тарелок плоских с тем же орнаментом. Затем глубокая супница, салатница, блюдо для мяса...

Постепенно вся поверхность стола заполнилась посудой. Когда миссис Прайс заперла буфет на ключ, мы со служанками взялись проверять сервиз на наличие сколов или незамеченных ранее пятнышек грязи. К счастью, всё было в полном порядке.

И когда миссис Прайс, удовлетворённая осмотром, покинула буфетную, мы втроём облегчённо выдохнули.

Обошлось.

Ещё одна служанка принесла белоснежную накрахмаленную скатерть, и мы перешли в столовую. Я смотрела, как кружевной узор покрывает тёмную лакированную поверхность, следила, чтобы не осталось ни одной складочки, ни мельчайшего пятнышка.

Всё должно быть идеально.

Затем я расставила приборы на девять персон, разложила ножи, вилки и ложки, указала место для вазы с цветами. Нет, лучше две с небольшими букетами. Я соберу их в последний момент, не позднее, чем за полчаса до начала обеда. Иначе какой-нибудь лепесток может осыпаться, и тогда для меня этот день завершится пощёчинами и выдранными волосами.

Я уже была слишком опытна, чтобы совершать подобные ошибки.

Так, теперь расставить карточки с именами гостей.

Тётушке, разумеется, место во главе стола. Напротив неё – миссис Гаррис, она самая почётная гостья сегодня. Справа от неё сядет её дочь, с ней рядом один из сыновей миссис Бессон и Юлия слева от матери. А с другой стороны, справа от тётушки – Алекс, с ним рядом – сама миссис Бессон, потом Анна и второй сын миссис Бессон. Они близнецы, и я никак не научусь их различать.

Мне кажется, отличная рассадка: трое мужчин равномер-

но распределены за столом, так, что смогут помочь каждой из женщин, если эта помощь вдруг понадобится.

Я ещё раз окинула взглядом сервированный стол и осталась довольна. Теперь проследить за готовностью блюд и за цветами.

Скоро соберутся гости.

Глава 3

В кухне царил хаос.

Марта, взволнованная сверх меры, раскрасневшаяся, со сбившимся на затылок чепчиком, выкладывала зеленью узор на уложенном аккуратным холмиком салате.

А Белька тщательно растирала орехи в ступке, высунув язык от усердия.

– Всё в порядке? – поинтересовалась я, окидывая фронт работ и стараясь проанализировать – сколько ещё времени понадобится поварихе, чтобы все блюда были готовы.

– К трём успею, – Марта лишь на мгновение отвлеклась от узора и тут же вернулась к нему, поправляя, окидывая придирчивым взглядом. Кажется, она осталась довольна, потому что отодвинула салатник к краю, где уже стояло несколько оформленных блюд.

– Забирайте, – скомандовала я пришедшим со мной служанкам. – Поставьте пока в буфетной.

– Эби... – начала было повариха, растерянно оглядываясь на чугунную сковородку с высокими стенками, в которой доходили до кондиции говяжьи языки.

– Всё будет хорошо, Марта, – перебила её. Мой голос звучал уверенно, хотя и сама я боялась не меньше. И так каждый раз. – Ты уже это делала. И сейчас справилась отлично, я уверена. Прости, мне нужно собрать свежих цветов.

Я улыбнулась ей самыми уголками губ, стараясь вместе с улыбкой послать немного убеждённости в своей правоте. А потом вышла на улицу.

Марта хорошая повариха. Даже лучшая во всей нашей округе. Поэтому тётушка и устраивает званые обеды так часто – не боится ударить в грязь лицом, к тому же любит прихвастнуть перед соседями сборником рунных рецептов.

– Привет, Бирн, – махнула я садовнику, который стоял рядом с небольшим булыжником и, уперев руки в колени, пытался отдышаться. – Что ты делаешь?

Бирн – мужчина широкий и коренастый, лохматая борода с частыми проблесками седины делала его похожим на лесовика из детских сказок.

– Госпожа велела горку, чтоб, значит, как у миссис Гаррис. С камнями, камешками, мохом и папоротником. Я вчёрась ходил туды, смотрел, – Бирн вытер пот со лба рукавом и глубоко вдохнул. – Буду теперича каменюки катать.

Он вдохнул ещё раз, по-мужицки крякнул и, наклонившись, с усилием покатиł булыжник дальше.

Я только вздохнула, глядя на это. Бирну уже почти шестьдесят лет, ему тяжело выполнять такую работу. Но тётушка категорически отказывается брать ему помощника. Говорит, ей лентяи тут не нужны.

А горка, значит, нужна.

Племянница миссис Гаррис отдыхала у неё всего месяц, но за это время успела сунуть свой длинный нос повсюду.

Особенно Олефия любила давать советы. Вот и тётушке она посоветовала сделать каменную горку в парке. Мол, в столице это уже давно вошло в моду. И миссис Гаррис будет делать себе такую.

Если у миссис Гаррис что-то появится, а у миссис Прайс нет, то это будет настоящая катастрофа. Вот тётушка и послала Бирна подглядеть, что за столичное новшество сделали в парке её подруги. А теперь бедняга садовник должен построить такое же, только ещё лучше, больше, выше и так далее.

Бедняга, Бирн.

Я свернула направо, в розарий. Ещё вчера видела там несколько свеженьких бутонов, которые сегодня как раз должны были раскрыться. Ближе к тётушке я решила поставить букет из тёмно-бордовых роз, а возле миссис Гаррис — из белых. Получится контрастно и красиво.

Когда я вернулась в буфетную, стол там уже был заставлен закусками, салатами, корзиночками с нарезанным душистым хлебом, красиво разложенными дольками овощей и пластинками вяленого мяса.

Ждали только меня. Иса и Неса притопывали в нетерпении.

Я глянула на большие напольные часы. Без четверти три. Гости наверняка уже собрались в малой гостиной в ожидании приглашения на обед.

Нужно поспешить.

– Несите закуски, – велела я служанкам, быстро доставая приготовленные вазы с водой и опуская в них цветы.

Следом за ними проследовала в столовую.

Не знаю, как не выронила вазы. Удержала их лишь каким-то чудом. Потому что в проёме вторых дверей стояла тётушка с тёмным, не обещающим ничего хорошего взглядом.

– Почему ещё ничего не готово?! – просипела она громким злым шёпотом. Шёпотом, потому что гостиная находилась всего через одну комнату, двери в которую с обеих сторон были немного приоткрыты, а значит, собравшиеся гости могли слышать крики.

Впрочем, нам хватило и этого свистящего шёпота.

Я испугалась, что служанки от страха что-нибудь разобьют, но тётушка всё равно обвинит меня, и наказание придётся нести мне. Поэтому решила идти на опережение и во всём повиниться.

– Простите, тётушка, это моя вина, я задержалась с цветами, – сунула ей под нос два букета, одновременно приседая в книксене. – К трём часам всё будет готово. Обещаю.

– Мне нет дела до твоих обещаний, – снова просипела она, – но если обед задержится, и моим гостям придётся ждать, ты заплатишься...

Я продолжала стоять, опустив голову, вазы уже начинали ощутимо оттягивать руки. Ещё пару минут, и я не выдержу, выроню их на пол. И тогда уж точно пожалею.

К счастью, моя покорность, как обычно, усмирила тётуш-

кин гнев. А может, то проснулся здравый смысл, ведь если она продолжит меня задерживать, накрыть на стол вовремя я уж точно не успею.

– Не забудь надеть перчатки, – распорядилась миссис Прайс и ушла к гостям.

Точно, перчатки. Я уже успела о них забыть. Спасибо за напоминание, тётушка.

Я опустила вазы на приготовленные для них места и взялась за расстановку блюд. Когда с этим было покончено, до назначенного времени оставалось ещё целых четыре минуты.

Успею. И я убежала за перчатками.

Моя комната располагалась в мансарде, в правой части дома. Здесь же жила большая часть слуг женского пола. Мужчины селились в левой части. Так миссис Прайс блюла нашу нравственность.

Я бегом поднялась по скрипучей лестнице, перепрыгивая через ступеньку, дёрнула лишённую наружного замка дверь и сразу же бросилась к шкафу.

Комнатка была обставлена довольно просто, но мне нравилось: деревянная кровать с не слишком толстым матрасом, тётушка считала, что прислуге негоже долго нежиться в постели, небольшой столик с кувшином и тазиком для умывания, в углу – платяной шкаф со скрипучими и слегка просевшими створками.

Из небольшого окошка был виден парк. И в редкие сво-

бодные моменты я любила опустить локти на узкий подоконник и любоваться запутавшимися среди ветвей лучами закатного солнца.

Перчатки нашлись быстро.

У меня было не слишком много одежды, поэтому вещи на полках расположились в один ряд. Очень удобно – легко найти то, что нужно, и не тратить лишнее время.

Обратно я спускалась осторожнее, чтобы не упасть. Ведь гостям будет неприятно наблюдать за моим искривлённым болью лицом.

В столовую я опоздала – вошла, когда гости уже были внутри и начали рассаживаться по местам. Взгляд тётушки дал мне понять, что мой проступок был замечен, но наказание последует позже.

– Проходите, присаживайтесь, мои дорогие, – голос тётушки был сладок как луговой мёд, – у нас сегодня рунная кухня.

– Ох, дорогая Эмилия, как я люблю ваши обеды, у вас всегда можно отведать чего-нибудь эдакого, – миссис Бессон заняла своё место, окидывая стол цепким, придиричвым взглядом. И пусть в глаза подруге и соседке Эмили Прайс она расточала комплименты, за спиной тётушки миссис Бессон любила позлословить.

Однажды я случайно услышала отрывок разговора Глории Бессон и Сессилии Гаррис об их любимой подруге. Эти две милейшие дамы прошлись по новому платью тётушки.

Впрочем, миссис Прайс, оставаясь наедине с любой из этих в высшей степени достойных дам, тоже не стеснялась высказывать своё откровенное и нелицеприятное мнение об отсутствовавшей.

— Эби выглядит слишком загорелой, неужели ей нравится быть похожей на дворовую девку? — первой вставила своё тёплое словечко миссис Гаррис.

Ещё одной любимой забавой тётушкиных подруг было беседовать обо мне, обсуждая мои недостатки в моём присутствии так, как будто меня нет в комнате.

— Дурная наследственность, милая, — с тяжёлым вздохом посетовала тётушка. — Её мать была такой же чернавкой, поэтому и закончила так плохо.

Я медленно двигалась от гостя к гостю, черпая из фарфоровой супницы, стоявшей на сервировочном столике, разливала по тарелкам душистый летний суп. В тот момент, когда речь зашла о моей матери, поварёшка была занесена над тарелкой одного из сыновей миссис Бессон, то ли Тома, то ли Тейлора.

Моя рука ощутимо дрогнула, поварёшка скользнула по гладкой перчатке, и большая капля супа шлёпнулась на белоснежную скатерть, оставляя некрасивое пятно.

У меня в груди похолодело.

— Простите, простите, я ненарочно, сейчас всё уберу, — я стояла далеко от тётушки, но смотрела только на неё.

Недовольство всех остальных меркло по сравнению с гне-

вом миссис Прайс.

– Криворукая идиотка, немедленно убери эту гадость, – сидевшая по левую руку Анна, не пострадала, но её лицо скривилось так, как будто само моё присутствие рядом вызывало у неё острую зубную боль.

– Ничего страшного, никто не пострадал, – попытался защитить меня сын миссис Бессон, наверное, Том, он добрее, но под превосходящими женскими взглядами сник.

В этой компании было принято меня осуждать, а не защищать.

– Я сейчас всё уберу, – пробормотала я, убежала в буфетную, быстро намочила из кувшина чистое полотенце и также стрелой вернулась обратно.

– Она ещё и носится как безродная, никакого достоинства. Эмилия, милая, ты уверена, что вот это с тобой одной крови? – миссис Гаррис пренебрежительно махнула рукой, указывая на «это».

То есть на меня.

Но я уже ни на что не реагировала, оттирая пятно влажной тканью и надеясь... Не знаю, на что надеялась, потому что твёрдо знала – вечером последует наказание. Слишком много проступков я совершила, представив тётушку в невыгодном свете перед её гостями.

– Эбилейль, хватит уже тереть несчастную скатерть, суп стынет, продолжай разливать, – голос миссис Прайс вернул меня в реальность.

Наказание будет позже, а сейчас я должна приложить все силы, чтобы больше не совершать ошибок. Возможно, мне и удастся загладить свою вину.

Я разлила суп по тарелкам, кажется, даже не дыша, чтобы рука снова не дрогнула. И хотя обсуждение моей персоны не стихало, напротив, поднимались всё новые и новые детали моей и без того запятнанной биографии. Но я старалась не слушать, что именно говорят, а когда голоса сливались в равномерный шум, то и оскорблений словно и не было.

Когда дошло до главного блюда, Марта сама принесла сковородку в буфетную. Комнату наполнил чудесный аромат. Язык по тарелкам мы раскладывали здесь. Причём повариха лично размещала каждый кусочек, приправляла его тёртыми орехами и рубленой зеленью. А потом мы с Исой и Несой несли тарелки в столовую и расставляли перед гостями.

– Мм, какой аромат, Эмилия, – миссис Бессон первой взялась за приборы и отрезала кусочек. – В этот раз ты превзошла саму себя.

– Спасибо, дорогая, – тётушка снисходительно улыбалась, принимая комплименты и похвалы гостей, как будто сама участвовала в приготовлении этого блюда.

– Миссис Гаррис, – после долгого перемигивания с сестрой подала голос Юлия, – а что слышно о нашем новом соседе?

Я в этот момент разносила десерт и тоже наострила уши. Почему-то новость о приезде соседа немного напрягала. Как

будто где-то на краю сознания зудела какая-то не слишком приятная догадка.

– Ах да, как я могла забыть самую главную новость, – подхватила миссис Гаррис, легко касаясь губ полотняной салфеткой.

– Молодой мистер Хокс уже приехал. Вчера. И вместе с ним его друг по мужскому клубу.

Мистер Хокс и его друг вчера приехали в соседнее поместье. Что-то это открытие мне совсем не понравилось.

К счастью, обед вскоре завершился.

Я уже хотела ускользнуть вместе со служанками и грязной посудой и спрятаться в кухне, но не успела.

– Эбилейль, задержись, – голос тётушки остановил меня в дверях, заставив замереть. – Идите, мои дорогие, прогуляйтесь пока по парку, я к вам очень скоро присоединюсь. – Она тут же улыбнулась гостям, показывая, что ничего серьёзного не происходит, но у меня под кожей зашевелились иголки дурного предчувствия, больно впиваясь острыми кончиками.

– Мы всё понимаем, дорогая Эмилия, – тут же отозвалась миссис Гаррис, – ваша племянница совсем отбилась от рук. Не торопитесь, объясните ей хорошенько, как нужно вести себя в присутствии благородных леди и джентльменов.

Гости ушли, а тётушка закрыла двери буфетной, отрезая нас с ней от остального мира.

Однажды я видела, как мышка застыла в присутствии

змеи, которая не спеша, уверенная, что добыча никуда не денется, подползала к малютке. Я тогда удивилась, ведь расстояние между ними ещё было довольно велико, у мышки был шанс убежать. Но теперь я её понимала: у меня оцепенели ноги, лишая возможности сделать даже шаг.

А вот миссис Прайс в две секунды сократила расстояние между нами и рывком вцепилась мне в волосы, дёрнув за косу так, что мне пришлось наклониться и ухватиться руками за тётушкину юбку, чтобы не упасть.

– Гадкая девчонка, – она толкнула меня ногой и вырвала подол юбки. Потеряв опору, я упала перед ней на колени и закулила от боли. – Немедленно заткнись, – зашипела тётушка и снова дёрнула меня, ещё ниже пригибая к полу. Я замолчала, глотая солёные слёзы. – Слушай меня, неблагодарная дрянь. Я забочусь о тебе, кормлю и одеваю, но моё терпение имеет предел. Если ты не оставишь свои выходки и не перестанешь выставлять меня и моих детей в неблагоприятном свете, то горько пожалеешь. Я не просто выставлю тебя, я уничтожу твою репутацию. Тобой побрезгуют самые дешёвые публичные дома. Ты поняла меня?

– Да, тётушка, – прошептала я, чувствуя, как трещат, почти отрываясь, волосы. Всё, что угодно, лишь бы она меня отпустила.

– Громче, я не слышу, – миссис Прайс снова дёрнула меня за косу. Слёзы брызнули из глаз.

И тут же, не давая ей возможности сделать ещё большее,

закричала:

– Да, тётушка, я вас поняла.

– Вот и умница, – она ослабилась и почти ласково потрепала меня по волосам, под её ладонью стало горячо. Не удивлюсь, если тётушка хорошо проредила мне косу. – Я хочу, чтобы сегодня перед вечерним чаем ты была на заднем дворе.

– Да, тётушка, – повторила я эхом, холодея, потому что понимала, что там произойдёт. И очень бы хотела этого хотя бы не видеть.

– Вот и славно, – почти пропела миссис Прайс, выходя в столовую и закрывая за собой двери.

Я так и оставалась на коленях, пока не открылась дверь с другой стороны, и в буфетную заглянула Иса. Увидев меня одну, она мотнула головой назад, и следом за ней вошли Неса и Марта.

– Бедная моя девочка, – повариха присела рядом, обнимая. И я разрыдалась.

– Ну тише, тише, не плачь, кто-то может услышать, – ласково успокаивала меня Марта. Я кивала, понимая, что она права, тётушке не понравится, что я жалуюсь. Но горький ком обиды внутри никак не желал отпускать. Я позволила себе ещё пару минут слабости, а потом поднялась. Отёрла слёзы и, выдохнув, сказала:

– Давайте здесь уберём.

Поплакать я смогу позже, спрятавшись в лесу, подальше

от чужих глаз и ушей.

День шёл своим чередом. Я помогала на кухне. Затем, быстро пообедав, взяла ведро, тряпку и отправилась в библиотеку. Сегодня был день уборки. Я тщательно вытирала пыль, не спешила, доставая каждую книгу и аккуратно убирая её на место.

Но время неумолимо близилось к вечеру. Громко тикали секунды, сбиваясь в минуты и часы. Я бы хотела задержать этот день, вот только он всё равно ускользал. И мне нужно было выходить, если не хочу нарваться ещё на одну выволочку.

На заднем дворе было тесно. Собрались все обитатели усадьбы. И даже приходящие работники, которые жили в ближайшей деревеньке, не разошлись по домам, стояли здесь же, ожидая появления хозяйки.

Миссис Прайс явилась в сопровождении гостей. Причём миссис Бессон, несмотря на округлый и по большей части добродушный вид, смотрела предвкушающе. Я содрогнулась от отвращения, кажется, она не может дождаться. Словно это не наказание живого человека, а представление, спектакль, направленный на развлечение её скучающей натуры.

Тина выглядела совсем плохо. Она даже не открыла глаз. А может, и не осознавала, сколько людей здесь собралось и смотрит сейчас на неё.

Тишина стояла оглушающая. Мне кажется, даже те, кто осуждал поступок Тины, сейчас не могли не сочувствовать

ей.

Миссис Прайс вышла вперёд, повернулась к людям, прикрывая позорный столб и поникшую на нём фигурку своей спиной и широкими юбками.

Обычно я старалась не смотреть на неё, чтобы не вызывать гнева. Но сейчас, прикрытая десятками других взглядов, рассматривала, не таясь.

Миссис Прайс была высокой, даже выше Алекса. Она стояла с прямой спиной, чуть вздёрнутым подбородком, и даже на расстоянии было видно, что тётушка смотрит на собравшихся свысока.

Причём и в прямом, и в переносном смысле.

Длинные тёмные, как и у её дочерей, волосы, были собраны в строгую причёску, не позволяя вырваться ни единой прядке. Внешность тётушки была такой же бескомпромиссной, как и её характер.

– Эта женщина, – миссис Прайс, не глядя, указала пальцем назад, на Тину, – нарушила заповеди наших богов. Она жила во грехе с мужчиной, не пройдя с ним брачный обряд, и зачала дитя. Эта женщина – рабыня, её жизнь принадлежит мне. Только я решаю, с кем и когда можно родить дитя. Женщина будет наказана за своеволие, а ребёнку нет места на моей земле...

Тётушка сделала паузу, переводя дыхание. Люди не двигались, ожидая от неё решения. Я заметила с краю мистера Вилсона, одарённого силой лекаря, который мог лечить

наложением рук. Я слышала, что падшие женщины иногда обращаются к таким, но не для того, чтобы спасти жизнь, а чтобы её уничтожить.

«Жеана, прошу тебя, не допусти этого...» – про себя взмолилась я и вся подобралась, готовая броситься в ноги тётушки и умолять о милости.

А потом у меня появилась идея получше, и я начала, расталкивая людей, пробираться к доктору. Скорее же, скорее. Человеческая масса поддавалась плохо. Люди как будто корнями вросли в утопанную землю двора, но я спешила и не обращала внимания на недовольное шипение мне вслед. Главное, что вслух никто не осмелился ругаться, тем самым привлекая внимание к моему маневру.

Мгновения казались невыносимо долгими, но наконец я добралась до доктора и зашептала ему на ухо.

– Мистер Вилсон, – тётушка обратилась к лекарю, и я то-ропливо сделала шаг назад, прячась за чью-то спину, – можете приступать.

В тишине громом прозвучал отчаянный вопль Тины, которая теперь повисла на верёвке и рыдала.

– Миссис Прайс, возможно, стоит оставить жизнь этому ребёнку, – мистер Вилсон вышел вперёд. Я не успела получить от него ответа, но эти слова заставили облегчённо выдохнуть – он меня услышал. Лекарь встал рядом с тётушкой. Он был на полголовы ниже неё. К тому же лыс, в круглых очках. И вообще, смотрелся старым сморчком. Но человек-

ности в докторе было гораздо больше. — Когда он или она подрастёт, у вас появится ещё один работник.

Миссис Прайс задумалась, но ненадолго. Покачала головой.

— Я не могу позволить этому ребёнку родиться во грехе.

— А если кто-то возьмёт женщину в жёны? — вкрадчиво поинтересовался мистер Вилсон, озвучивая мою идею.

— Думаете, найдутся желающие? — тётушка посмотрела на лекаря, затем задумчиво окинула собравшуюся толпу взглядом, наконец оглянулась на продолжающую рыдать Тину, представляющую собой весьма жалкое зрелище.

Вероятность, что кто-то согласится, не слишком большая, но у меня в душе загорелась отчаянная надежда. «Жеана, ты милостива, сохрани жизнь этим несчастным...»

— Ну что ж, — решила тётушка, — кто возьмёт эту женщину в жёны и заплатит мне откуп за жизнь ребёнка?

Тишина была абсолютной, казалось, я слышу, как бьются часто-часто сердца стоявших рядом людей. По крайней мере, моё отчаянно стучало о грудную клетку, стремясь добраться до тётушки и ворваться в неё, чтобы она наконец проявила жалость.

Хотя бы один раз в жизни.

— Я возьму, госпожа, — прогудел густой бас.

Человеческое море заволновалось, зашевелилось, раздаваясь по центру, и на открытое пространство вышел кузнец Бернет. Он был огромным, обманчиво медлительным и

немногословным, да и самой внешностью походил на медведя.

С кузнецом я не была близко знакома, для этого он был слишком нелюдим. Но знала, что его жена умерла зимой, когда новая разновидность горячки смертоносным вихрем пронеслась по деревням. Молодые и здоровые перенесли болезнь, а старые и ослабленные... умерли.

Жена Бернета в тот момент ещё не оправилась от родов. И теперь старшие дети, вроде их было четверо, заботились и о малютке.

В другое время я бы волновалась, если бы Тина стала женой кузнеца, уж слишком грозно он выглядел, но сейчас это было единственным спасением для неё и ещё не родившегося ребёнка. Будем надеяться, что Бернет не станет её обижать.

– Забирай, – тётушка махнула рукой в сторону по-прежнему рыдавшей Тины, так и обвисшей на верёвках, не делая попыток подняться, – но помни – это моя собственность, если она умрёт, взамен ты станешь моим рабом.

– Это справедливое решение, моя госпожа, – кажется, на лице доктора Вилсона тоже проступало облегчение. Всё же ему вряд ли радостно лишать жизни ещё не родившихся детей.

А Бернет только поклонился миссис Прайс, выражая своё согласие с её решением. Я готова была разрыдаться. Нелюдимый кузнец, которого на усадьбе звали не иначе, как мед-

ведем, согласился рискнуть своей свободой ради жизни рабыни.

Да, Бернет оказался благороднее многих.

— Через три дня она должна вернуться к работе, — продолжила тётушка, — а это время я, так и быть, дарю вам на медовый месяц.

Кузнец снова поклонился и уверенным шагом направился к позорному столбу. Никто не двинулся с места, чтобы ему помочь. Безмолвная толпа по-прежнему молча наблюдала, как огромный мужчина растягивает путы на тонких белых запястьях и подхватывает Тину, не давая ей упасть на землю.

Когда Бернет легко поднял свою будущую жену и так, с ней на руках, покинул территорию двора, в толпе поднялся негромкий монотонный гул. На наших глазах только что произошло чудо. И кто бы как ни относился к греху Тины, произошедшее не могло не осветиться радостью в сердце.

Спасибо, Жеана, что кузнец именно сегодня пришёл осмотреть подковы хозяйских лошадей. Ведь жил он в ближайшей деревне и наказание мог попросту пропустить. Не хочу даже думать, что тогда стало бы с Тиной.

Впрочем, мне нужно было поспешить. Потому что тётушка сейчас всех пригласит к чаю. И если я не успею накрыть стол, для меня самой всё может закончиться весьма печально.

Лицо миссис Прайс показалось мне слишком довольным, когда она смотрела на привязанную Тину. Боюсь, тётушка может войти во вкус. И тогда позорный столб перестанет

быть для нас лишь привычной деталью пейзажа...

Глава 4

Утро началось чудесно.

Миссис Прайс, расставаясь со своими подругами, договори­лась проведать дальнюю соседку, миссис Торнби, которая очень давно звала всех в гости. И вот теперь дамы решили её наконец осчастливить своим появлением. А поскольку соседка жила довольно далеко, на самой окраине нашего округа, то подруги определили остаться у неё на ночь.

А может, и на две.

Это ли не чудесная новость?

Утром миссис Прайс позавтракала, раздала важные указания и наконец вместе с дочерьми погрузилась в открытую коляску. Алекс сопровождал мать и сестёр верхом на своём жеребце.

Я вместе со слугами стояла на крыльце и провожала дорогих родственничков счастливым взглядом. Разумеется, меня никто не приглашал, но мне это было и не нужно. Я с трудом скрывала радость. Это же целых два дня свободы.

А если повезёт, то и три.

Готовить сегодня не было необходимости. Пыль уж как-нибудь переживёт один день, уверена она меня дож­дётся. Поэтому до самого вечера я была абсолютно свободна и решила наконец сделать то, о чём думала последние два дня, прошедшие с безобразного представления у позорного стол-

ба – навестить подругу и узнать о её самочувствии.

Предупредив Марту и заодно Бельку, которая, как и всегда, отиралась на кухне, я сменила домашнее платье на выходное, пусть и поношенное, доставшееся мне от Юлии, надела шляпку и бодрым шагом вышла из дома.

Солнце светило высоко, обещая жаркий погожий день. Я шагала через луг, испытывая радость от встречи с моими друзьями луговыми цветами и ощущая ответную ласку, когда стебельки касались моих ладоней.

Было так хорошо и легко, что я неприлично высоко задрала подол и побежала вперёд, туда, где особым ароматом влажной прохладной низины угадывалась река Сора. Весной она разливалась и затапливала большинство прибрежных лугов, поэтому они назывались заливными. Зато трава здесь была самой яркой, сочной и вкусной.

Для животных, разумеется.

И сено из этой травы получалось самым душистым. Сейчас сенокос только начался, поэтому большая часть лугов ещё была покрыта высоким ярким разнотравьем. И идти здесь было настоящим удовольствием.

Я дышала глубоко, казалось, самым воздухом свободы, и чувствовала себя по-настоящему счастливой. В такие моменты это было несложно. Тем более мне не нужно было спешить, бояться, что опоздаю, и меня за это накажут.

Абсолютно расслабившись под тёплым ласковым солнышком, даже расфантазировалась, что я сама хозяйка

усады и делаю там, что захочу. Что, вот сейчас за поворотом встретится мне он, пусть не принц, но тот самый человек, который скажет, что ему не важна родословная, репутация и приданое. И вообще, моё прошлое. Что он полюбил меня. Меня саму. Такой, какая я есть. Уже попросил руки у моей тётушки, но, скорее из вежливости, а не чтобы получить официальное разрешение.

Ведь официально миссис Прайс не является моей опекуницей. У меня вообще нет опекуна, хотя он и положен по закону благородной леди.

А раз нет опекуна, значит, я вовсе и не леди. Мысли приобрели печальный оборот, но мне не хотелось портить такой чудесный день, поэтому я запретила себе думать о грустном.

Река открылась передо мной как всегда внезапно. Вот только что были колышущиеся ветром зелёные волны травы, и вдруг в этом разноцветном море образовался разрыв из не слишком широкой по летней поре Соры. Река была похожа на закрученную голубовато-зелёную ленту. Её изгибы и повороты делали местность очень живописной и создавали десятки уединённых уголков, небольших заводей с мелким песчаным дном и совершенно прозрачной водой.

Проходя мимо очередной такой, я не удержалась.

День уже близился к полудню, солнце стояло почти в зените, ощутимо припекая. К тому же я была разгорячена быстрой ходьбой и бегом.

Как хорошо, что тётушка меня сейчас не видит раскрас-

невшуюся, растрёпанную, со съехавшей на затылок шляпкой. Уж миссис Прайс наверняка нашла бы, что сказать по поводу моего неблагородного вида.

Брр.

По коже пробежал озноб. Не буду я думать сейчас о тётушке. Лучше проверю воду.

Я сняла свои удобные туфли и, приподняв подол платья, чтобы не замочить, прошла босиком по влажному песку. Потрясающее ощущение. А уж когда пальцы коснулись прохладной воды, погружаясь в неё, я застонала от удовольствия.

И тут же огляделась: никто не видел?

Но, к счастью, вокруг никого не было. Да и кто мог здесь появиться? Я шла вдоль русла, оставив далеко в стороне протоптанную дорожку. Косцы сегодня здесь не появятся, они выкашивают луг за лугом с методичной точностью. И сюда к реке, на таком удалении от усадьбы, выйдут не раньше, чем через несколько дней.

А среди рабочего дня встретить вдалеке от тропинки живого человека практически невозможно. К тому же эта заводь закрыта зеленеющими листьями густого кустарника. Отсюда меня никто не разглядит. Разве что с другого берега.

А там уже расположены земли старого мистера Хокса. То есть теперь уже молодого. Но он ведь только приехал. Если уже не уехал обратно в столицу. Вряд ли молодым аристократам будет интересно у нас в провинции. Здесь ведь нет

театров, почти не дают балов. Приезд гостя – уже приключение, а поездка в соседний городок – чуть ли не эпоха в жизни.

В общем, я сумела успокоить свою привычную тревожность и стянула платье, оставшись в нижней сорочке. Немного подумав, сняла и её, полностью раздевшись. Всё же сидеть долго на берегу, просушивая вещи, я не планировала. А гулять в мокрой одежде – то ещё удовольствие.

Ещё раз воровато оглянувшись по сторонам, я пошлёпала к воде.

Она была приятно-прохладной, именно той температуры, что ещё не холодит, но уже снимает горячее напряжение в мышцах после быстрой ходьбы по лугу. Я вдоволь наплавалась. И даже пару раз нырнула на глубину, решив, что мокрые волосы просохнут по дороге, а отсутствие причёски можно прикрыть шляпкой.

В конце концов, я иду в деревню. Там совершенно не интересуются моим внешним видом. И мои распущенные волосы не воспримутся признаком безнравственности.

Вот за что я любила простых людей. Неблагородных. Они судили не по внешности, а по поступкам.

Я решила ещё раз доплыть до середины, где течение становится сильнее и начинает сносить обратно к берегу, а потом одеться и продолжить путь. Всё же не стоит слишком расслабляться и думать только о себе. Меня ждёт Тина. Я была уверена, она ждёт, зная, что приду, хоть мы и не успели переговорить, прежде чем Бернет унёс её.

Я была уже на середине реки и позволила потоку воды медленно, но верно сносить меня назад и немного влево. Как вдруг увидела их.

Белые кувшинки.

Нимфея альба, как обозначил эти цветы профессор Дж. Байонс в своём труде для юных леди.

Они росли целым букетом, внутри ярко-жёлтые, а по краям белоснежные, обрамлённые широкими тёмными листьями, раскинувшимися на поверхности воды у противоположного берега.

Какая красота. Я только взгляну одним глазком на эту прелесть. Сора здесь не так уж широка. Ярдов двадцать, не больше. И половину я уже проплыла.

Несколько минут – и ноги нащупали дно. Правда, на этом берегу его покрывал скользкий холодный ил. Но меня это не остановило.

Стараясь сохранять равновесие, чтобы не упасть и не перемазаться в поднявшейся со дна мути, я расставила руки в стороны и медленно двигалась вперёд. Вода доставала мне до колен, а до белых, покачивающихся на воде цветов, оставалась пара шагов, когда...

В тот, первый, раз он показался мне темноволосым. Но сейчас вблизи я рассмотрела, что пряди были скорее каштанового цвета, и в них играло солнце, добавляя золотой рыжины. Берег здесь поднимался, поэтому мужчина казался ещё выше, чем был на самом деле. И смотрел на меня свер-

ху, тоже замерев и не пытаясь даже двинуться с места.

Мы оба замерли, словно статуи, и глядели друг на друга.

Медленно несла свои воды Сора. Неспешно проплывали над ней облака. Земля вращалась вокруг Солнца. А мы стояли не в силах разорвать звенья взглядов.

Из-за плеча шатена вышел второй, рыжеватый блондин.

– О-о, смотри-ка, селянка... – произнёс он растерянно и при этом радостно. Как будто где-нибудь в парке встретил старую знакомую, о которой недавно вспоминал.

И это движение, и голос, к счастью, разорвали зачарованную тишину момента. Уши заложило от визга. Уже потом, много позже, когда сердце перестало сумасшедше биться в грудной клетке, когда лёгкие уже не разрывались от быстрого бега, когда разум наконец-то скинул гневный туман, стало понятно, кто визжал – я.

А в тот момент этот визг выдернул меня из оцепенения и помог снова обрести способность двигаться. Вот только движения эти были хаотичны и лишены смысла. Сначала я попыталась прикрыть грудь. Потом поняла, что есть более важные места. Потом, что этих мест больше, чем моих рук, которые всё скользили по телу, не имея возможности принять окончательное решение, и тем самым вызывали у мужчин интерес особого толка.

Из-за этого я разозлилась и смогла более-менее сообразить, что делать дальше. Правда, ясность мысли мне всё же изменила, а соображения эти были похожи на те же хаотич-

ные движения, только внутри моей головы.

Потому что вместо того, чтобы аккуратно отступить назад и присесть в воде, я резко развернулась и, поскользнувшись в скользком иле, плюхнулась в воду. Тут же выскочила, отплёвываясь. Снова упала.

Нащупала дно руками и ногами. И вот так, на четвереньках, двигалась назад, пока не стало возможным плыть.

И всё это под ошалелыми взглядами двух мужчин.

– Селянка, селянка, прости! – закричал белобрысый, когда я подплывала к кустам на другом берегу, чтобы под их прикрытием выбраться из воды. – Мы не хотели тебя пугать!

Не хотели они пугать!

– Ну что ты обижаешься? Ведь всё честно: ты подглядывала тогда за нами, теперь мы – за тобой.

Вот ведь нахал! И ничего я не подглядывала! Как он мог предположить подобное?!

Проплыла ещё несколько ярдов вдоль берега, чтобы изгиб Соры скрыл меня из виду. И только тогда мокрая и злая, перепачканная в иле, выбралась на твёрдую землю. Пробежав за кустами, преодолев ползком по траве открытое место, схватила одежду и так же ползком переместилась подальше от реки, стараясь увеличить расстояние между собой и незнакомцами.

К счастью, они не стали меня преследовать. Но голос блондинистого долго разносился над берегом. У меня просили прощения и звали назад, чтобы позволить загладить свою

вину.

Ну уж нет.

Не надо ничего заглаживать.

И вообще, что это за нахалы такие? Благородные мужчины просто отвернулись бы и ушли оттуда, сделали вид, что вообще меня не заметили. А эти пялились, как... как... как мужланы.

Мужланы они и есть.

Я была зла. Очень зла.

И вдруг заметила, что всё ещё шагаю по траве голышом и босиком, сменяя одежду и туфли в руках. Жеана! Я остановилась, огляделась по сторонам, чутко вслушиваясь в пространство. И быстро оделась, не хватало ещё на кого-нибудь нарваться.

Как такое могло случиться? Как они могли так себя повести с благородной леди?

И тут же вспомнилось это «селянка», произнесённое нараспев, словно блондин наслаждался самим звучанием слова. Они решили, что я крестьянка, потому и не подумали отвернуться.

Злость прошла, сменившись смущением.

Двое мужчин разглядывали меня так, словно имели на это право. А я уж хороша – расслабилась и попала в возмутительную ситуацию. Тётушка права, если меня не держать в строгости, я плохо кончу. Мужские взгляды остались на теле тонкой корочкой, подсыхая, крошась и стягивая кожу. А

может, это был ил. Неважно. Мне уже было не до разбирательств.

Но расстояние до деревни я преодолела с рекордной скоростью. Вот только, когда за поворотом показались камышовые крыши домов, мне пришлось остановиться, а потом и опуститься в траву у дороги. Потому что ноги мелко-мелко подрагивали, совершенно отказываясь меня держать.

Глава 5

– Барышня, что с вами? Мисс Эби?

Я поняла, что кто-то зовёт и трясёт меня за плечо, не сразу, до того была погружена в свои мысли. Потом приподняла голову и обнаружила склонившуюся надо мной Рену, жену мельника. Пышная и румяная, сама похожая на свежую сдобу, одну из тех, что лежали у неё в корзине и источали одуряющий аромат.

Только теперь я поняла, что завтрак остался в далёком прошлом. И ещё неизвестно, когда будет обед и будет ли он вообще. В желудке провокационно заурчало. Он вспомнил, что голоден, и спешил сообщить об этом всем вокруг.

– Всё в порядке, Рена, – я попыталась улыбнуться, уж слишком встревожено смотрела мельничиха, – просто быстро шла и устала.

– Такое бывает, – поделилась она своими наблюдениями, но дальше не пошла, осталась рядом. Поставила на траву корзинку, приподняла холстину и достала одну из булочек, аромат которых яростно пробивался наружу, сразу выдавая, что именно скрывается внутри. Протянула мне: – Вот попробуйте, а то худенькая, что та травинка – ветер подует и унесёт. Потому и сил у вас маловато, что мало кушаете.

Мне не хотелось ещё больше тревожить добрую женщину, потому я с благодарностью приняла сдобу и сразу же отку-

сила кусочек от румяного бока.

– М-м, как вкусно, – ничуть не покривила душой. Булочка действительно оказалась свежайшей с ароматной мягкостью и хрустящей корочкой.

– Кушайте-кушайте, – улыбнулась моей похвале Рена и указала на свою корзину, – а мне пора дальше идти – косари обед ждут.

– Спасибо, – я в несколько укусов доела сдобу, глядя вслед заботливой мельничихе, а затем поднялась на ноги, отряхнула подол платья от травы и крошек и двинулась вперёд по единственной деревенской улице.

Бревенчатые дома, крытые камышом, стояли по обе стороны, окружённые невысокими заборчиками, а то и вовсе без оных. Всё выглядело чисто и аккуратно, во многих местах цвели яблони и вишни, обещая щедрый урожай.

Там и здесь бродили беспризорные куры, с серьёзным видом роясь в земле. Неподалёку гоготали гуси, и я немного напрыглась – от этих безобразников мне как-то пришлось улепётывать, сверкая пятками. А вот коров и овец нигде не было видно, их ещё на рассвете увёл за собой пастух.

Несмотря на излишнюю зачастую строгость, люди у миссис Прайс не бедствовали. Да и во всей нашей округе я не встречала отчаявшейся нищеты. Люди много работали, чтобы у их семей был свежий хлеб и горшочек топлёного масла к ужину.

Не хватало криков ребятни на улице, но то и понятно –

страда, нужно помогать старшим. Сейчас не до игр. Вот скосят траву, заготовят на зиму сено скотине, потом соберут урожай, переберут овощи и фрукты, уложат для долгого зимнего хранения, вот тогда окрестности огласятся радостными детскими голосами, которым не страшен ни зной, ни самый лютый мороз.

Дом кузнеца стоял на окраине деревни, поближе к кузнице, вынесенной за околицу. Оно и понятно, где огонь, там может случиться всякое. То уголёк выскочит, то случайная искра вылетит, а там недалеко и до пожара. Поэтому бани и кузни всегда стояли наособицу.

От греха подальше.

Над кузницей вился лёгкий прозрачный дымок, значит, Бернет на своём месте. И нам с Тиной никто не мешает поговорить по душам.

Из дома слышался надрывный детский плач, и я невольно ускорила шаги. Открыла калитку, улыбнулась завилявшему хвостом старому псу, так и не поднявшемуся со своего места. Он только посмотрел на меня, убедился каким-то своим способом, что я не причиню вреда, и перевернулся на другой бок, подставляя его солнцу.

– Грейся-грейся, – махнула я рукой, поднимаясь по деревянному крыльцу в две ступеньки и отворяя дверь. Крик младенца стал громче, но в просторной комнате с большой белёной печью никого не было видно.

Слева под окнами с распахнутыми по случаю хорошей по-

годы ставнями стоял большой стол с двумя узкими лавками вдоль длинных сторон. На столешнице уже были расставлены глиняные миски и деревянные ложки. Крупными ломтями нарезан каравай, прикрытый до поры чистым полотенцем.

Всё ясно, здесь ждут работников к обеду.

В углу висели образа с изображением Муара и Жеаны, я слегка поклонилась, наткнувшись на них взглядом. На полу стояла высокая кованая подставка для двух лучин. А рядом – брошенные прялка и деревянная лошадка-качалка. Сейчас не до рукоделия или игр – страда.

Вдоль стен стояли широкие лавки, на которых спали старшие дети, и два плоских сундука – постели для малышей.

Плач не замолкал.

Я сделала пару шагов по слегка вибрирующим под моими ногами доскам и негромко позвала:

– Тина? Тина, ты здесь?

Дойдя до середины комнаты, заметила то, что скрывала до поры до времени стоявшая справа и занимавшая почти четверть помещения печь: дверной проём, закрытый небелёным полотном.

– Тина? – я отодвинула занавеску и увидела ещё одну комнату, поменьше.

Здесь, сразу за печным боком, стояла единственная во всём доме кровать – супружеское ложе. А по центру комнаты к потолку крепилась люлька. Над ней склонилась женщина,

раскачивая и что-то тихонько приговаривая, убеждая.

– Тина? – позвала я громче, перекрикивая детский плач, и наконец была услышана.

Подруга вздрогнула и обернулась.

– Эби... – на её глаза навернулись слёзы. – Эби, я не знаю, что с ним делать...

Я подошла ближе и увидела лежавшего в люльке младенца. Его лицо было красным от натуги и слёз. Ребёнок безостановочно орал, раскрывая розовый ротик с четырьмя маленькими зубками.

Мне даже не нужно было спрашивать, что случилось. Запах говорил сам за себя.

– Нужно поменять пелёнки, – посоветовала я тоже готовой расплакаться Тине.

– Думаешь, я не меняла? Уже дважды за последние полчаса, но он снова их пачкает и опять орёт, – в её голосе звучало отчаяние.

– Наверное, что-то не то съел, – сделала я вывод, но, видя измученное лицо подруги, решила взять на себя управление ситуацией. Строгим, не терпящим возражений тоном велела: – Смени пелёнки, а я заварю травы. Всё будет хорошо. Только не паникуй.

Аромат трав я почуяла сразу у входа, за печью. И действительно, здесь висели пучки, собранные ещё прошлым летом. К счастью, в семье кузнеца собирали с запасом, а то пришлось бы сейчас бегать по полям, искать нужное.

Большинство из этих растений я хорошо знала. В том, что касается трав, мне не было равных в нашей округе. Несколько листков сорвала с одного веника, у второго отломил кончик, третий забрала целиком – там почти ничего не осталось. Видно, часто использовали по назначению.

Взяла глиняную миску, покрошила в неё травы, залила горячей водой из нашедшегося в печи чугунок. Выждала несколько минут, пока растения отдадут воде свои целебные свойства, вдохнула особый, чуть горчащий на краешке языка аромат и понесла в комнатку, в которой всё это время не прекращался плач.

Ребёнок уже был переодет в чистое. Тина держала его на руках, пытаюсь укачать. Я поставила миску на комод, взяла один из чистых отрезов, приготовленных на пелёнки, смочила краешек в миске с отваром, а потом отжала несколько капель прямо в раскрытый ротик младенца.

Он удивлённо замолчал, захватывая пелёнку губами и причмокивая. Повторила процедуру ещё пару раз. Спустя несколько минут глазки ребёнка закрылись. Тина положила его обратно в люльку. И мы обе на цыпочках, стараясь лишний раз не дышать, вышли в большую комнату.

– Спасибо тебе, Эби, ты меня спасла, – устало улыбнулась Тина.

Я тоже чувствовала себя выжатой как лимон, хотя провела в этом доме не больше часа.

– Ну, подруга, – улыбнулась Тине, – рассказывай, как жи-

вёшь.

Она тоже засмеялась в ответ, тут же испуганно прикрывая рот рукой. Мы обе посмотрели на задёрнутую занавеску, но за ней по-прежнему было тихо.

Кажется, не услышал, слава Жеане!

– Идём на улицу, – предложила подруга, и мы вышли из дома.

Сели на лежавшее в тени дома толстое обструганное бревно. Тина вздохнула пару раз, прежде чем начать.

– Он хороший... Бернет, – начала она, смущаясь. – И сказал, что не будет меня торопить. И не упрекнёт, что с другим была... Дети ко мне присматриваются пока, а я к ним. Сегодня вот с малышом оставили. А я не справляюсь. Не готова я... Понимаешь? Я всё ещё о Стерне думаю... Как он... Глупая, да?

– Нет, ты не глупая, – поспешила я утешить подругу. – Но о Стерне придётся забыть. Даже если бы он и смог тебя выкупить, а шансов, что тётка тебя отдаст ему, крайне мало, то теперь ты жена Бернета. Перед законом и богами.

– Я привыкну и научусь жить здесь... – Тина заговорила очень тихо, по слегка прерывистому дыханию я поняла, что она плачет, хоть и пытается это скрыть. – Ты не думай, Эби, я всё понимаю, это лучший вариант из возможных... но... Нет, никаких но! – она отёрла слёзы резким движением. – Я полюблю Бернета и детей, стану им матерью и женой ему. Я справлюсь, правда.

Я обняла Тину, и она склонила голову мне на плечо. Так мы и сидели, думая каждая о своём, пока не вдалеке, ещё пока скрытые фруктовыми деревьями, не раздались громкие голоса.

– Мои идут, – Тина подняла голову, вытерла слёзы и улыбнулась. Всё правильно, её новой семье не нужно видеть, что она плачет. – Останешься на обед, Эби?

– Если не создам неудобств, – ответила я вежливой неопределённостью, давая Тине выбор. Ведь я не знаю, как меня здесь примут.

Впрочем, подруга порадовала.

– Конечно, оставайся, еды у нас хватит. А дети тебе будут рады. Тебя в деревне любят.

Детей было четверо.

Старшей Низе уже четырнадцать. Через пару лет станет невестой, но уже и сейчас девочка была очень красива. Ох, и намучается с ней кузнец. Дальше шли двое мальчишек – по годок десяти и девяти лет, Нейт и Нолан. И ещё одна семилетняя девочка, Эдна.

Дети делились впечатлением о прошедшем дне, громко переговариваясь и смеясь.

За ними на некотором отдалении шёл Бернет, видимо, услышавший детские голоса из своей кузницы. Или тоже закончил работу в это время.

Увидев второго человека возле дома, дети замедлили ход, приглядываясь к постороннему. Но потом узнали меня. И

Низа прибавила шаг, вырываясь вперёд и приветствуя меня первой.

— Эби, Эби, как хорошо, что ты пришла. Мы уже думали кого-то посылать за тобой в усадьбу. Скоро день Жеаны. Ты поведёшь нас собирать травы?

— Конечно, Низа, — я улыбнулась в ответ на такую детскую непосредственность. Всё же она ещё была настоящим ребёнком. — Всё как обычно: встретимся на рассвете на прежнем месте. Проспавших ждать не будем.

Дети весело рассмеялись моей шутке. Проспать могли господа, а крестьянские ребятишки сызмальства привыкали вставать с петухами.

Бернет сухо поздоровался, подходя. Я ответила ему, скрасив приветствие улыбкой. Все вместе мы прошли за дом, где стояла большая деревянная бочка с дождевой водой.

Тина выдала мужу большой кусок тёмного пахучего мыла и поливала ему на руки и шею, пока, громко кряхтя, Бернет смывал с себя трудовой пот и грязь. Низа вымыла только руки и лицо, как и Эдна. А вот мальчишки устроили настоящее мыльное побоище, балуясь, пока отец не сделал им замечание. И они тут же притихли.

Войдя в дом, глава семьи первым делом отдал поклон Жеане и Муару, а затем занял своё место во главе стола. Дети расселись рядом с ним по старшинству по правую руку. Самой младшей достался табурет напротив отца. По левую руку усадили меня, как гостью, а уже рядом со мной осталось

место для Тины, которая сейчас хлопотала вокруг стола.

Мне было непривычно и так и подмывало помочь, но я понимала, что сейчас это будет неуместно. Всё же мой статус сейчас выше, и я здесь гостья, которой (пусть и явилась без приглашения) надлежит выказать уважение.

Тина взяла стоявший в углу рогатый ухват на длинном шесте и достала из печи гревшийся на углях чугунок с густым наваристым супом. Поставила чугунок на центр стола, убрала ухват и только после этого заняла своё место.

Все по очереди протягивали ей свои миски, а Тина накладывала еду. Первая порция досталась мне, как гостье, потом самому кузнецу, его жене и детям по старшинству.

Ели молча, только поглядывая друг на друга. Я то и дело ловила на себе хмурые взгляды Бернета. Видимо, он не знал, чего ожидать от моего визита, и заранее напрягался. Нужно будет поговорить после обеда, поблагодарить за его благородный поступок.

А пока я отдавала должное еде. Этот густой крестьянский суп я уже ела раньше. Более того его не чуралась и моя тётушка. Правда, Марта готовила его с бóльшим количеством мяса. Да сверху добавляла дольки томатов, которые крестьянам были недоступны.

А так всё то же самое: на дно толстостенной кастрюли или чугунка клали большие ломти мяса, сверху слой картофеля такими же большими кусками, потом крупно порезанный лук, на него – морковь, а сверху капусту. Хорошо посолить и

на два-три часа поставить на небольшой огонь, а лучше угли, чтобы мясо и овощи томились в соку друг друга. Главное, слои не перемешивать и выдержать нужное время, тогда получится вкусное и сытное блюдо.

Самое то после тяжёлого рабочего дня.

После обеда, пока Тина убирала со стола, я подошла к Бернету и высказала ему свою благодарность.

– Не стоит меня благодарить, госпожа, – грубовато отозвался кузнец и тут же добавил: – Я взял себе жену и не собираюсь её обижать. А там посмотрим, что выйдет.

Услышавшая этот разговор Тина смутилась и ушла в спальню. Я её понимала: сложно начинать семейную жизнь, когда в душе – другой, и под сердцем – его дитя.

Но ничего, Тина справится, ведь настроена она очень решительно.

Глава 6

Обратно в усадьбу я возвращалась уже ближе к вечеру, но до ужина было ещё далеко. А темнело сейчас поздно. Так что я не спешила, то и дело срывала созревшую ягоду малины или пропущенную ребяtnей землянику. Упоительно пели соловьи, настраивая на романтический лад. Пообщавшись с подругой, я успокоилась, перестала за неё переживать. И мысли сами собой вернулись в привычное русло.

Завтра вернётся тётушка. Скорее всего, к вечеру. Значит, за день нужно успеть сделать генеральную уборку. Вымыть окна, перетряхнуть постели, просушить на солнце перины и подушки.

Когда вышла к реке, к тому месту, с которого так быстро сбежала, сердце забилось чаще, и щёки загорелись румянцем. Но я отмахнулась от этих эмоций. Переживания мне не помогут, только измучаю себя.

Всё равно уже ничего не изменить.

За рощей показалась усадьба, дом призывно светлел среди ярко-зелёной зелени, и я прибавила шаг. Пусть всякое случилось за десять лет жизни здесь, но я привыкла считать это место домом и по-своему любила поместье Прайсов.

– Эби! Эби! – Белька неслась через луг мне навстречу. Подол платья она придерживала двумя руками, задрав его неприлично высоко, но вряд ли осознавала это, так была воз-

буждена.

– Что случилось? – напряглась я, тоже ускоряя шаг, чтобы скорее уже встретиться с неугомонной девчонкой и расспросить её.

В голове роились тысячи вопросов. Неужели тётушка вернулась раньше? А меня нет дома... И это не просто плохо, это грозит мне настоящей катастрофой. Или что-то случилось в поместье? Опять моя вина, ведь в отсутствие Прайсов я оставалась хозяйкой.

Пусть и негласно.

Тётушка никогда бы вслух не произнесла подобного. Но поскольку я была единственной родственницей хозяев, хоть и дальней, к тому же благородной, хоть это периодически и вызывало сомнения у Прайсов...

В общем, в отсутствие хозяев я отвечала за всё происходящее в усадьбе. А меня не было весь день, и боги знают что могло за это время приключиться.

– Эби, – выдохнула Белька и замолчала, часто и тяжело дыша. Всё-таки она преодолела весь луг бегом, а может, бежала и от самой усадьбы.

Но я не дала ей отдышаться.

– Что случилось? – поскольку она молчала, пришлось встряхнуть несносную девчонку за плечи. С каждой секундой я нервничала всё больше. – Ну же, отвечай! Что произошло?

– Гости... – снова выдохнула она и опять замолчала.

Да чтоб тебя!

Какие ещё гости? Откуда?

Это пояснение породило ещё больше вопросов, которые я и озвучила:

— Что за гости?

— Не знаю... — я уже готова была снова встряхнуть Бельку, как она добавила: — Благородные господа. Давно уже ждут.

Боги! Да за что же мне всё это?

Я подхватила свой подол, как пару минут назад Белька, и помчалась к усадьбе, стараясь на ходу определить, что это за гости и чем может мне грозить задержка с приёмом.

Кто мог приехать к миссис Прайс?

Кто-то из ближайших соседей отпадал. Белька всех их знала. Доктор Вилсон? Нет, его тоже.

Кто-то из дальних? Скорее всего. Потому и ждут. Собираются у нас ночевать и уже наверняка волнуются, что их не принимают. Надеюсь, хоть чаю им догадались предложить?

Я повернулась к Бельке, чтобы спросить об этом, но обнаружила, что девчонка сильно отстала и теперь шла шагом, прижимая ладонь к боку. На мой вопросительный взгляд она только махнула рукой, мол, беги, я тебя потом догоню.

Ну и ладно, в доме узнаю, как приняли гостей. Надо только поскорее добраться.

Уже на подходе к усадьбе я и сама перешла на быстрый шаг. В боку кололо, горло пекло, но я не позволяла себе сбросить скорость.

У раскрытой двери кухни меня встречала Марта. Она была встревожена, но, увидев меня, успокоилась. Значит, гости ведут себя смирно.

– Давно ждут? – спросила я уже на подходе.

– Да почитай часа два... – вздохнула повариха, тут же добавив: – Но чай я им подать велела, с пирожками.

Ну слава богам, хоть не голодные и то ладно.

– Сейчас к ним и пойду, – решила я, оставаясь, впрочем, на месте, поправляя пряжи, выбившиеся из заплетённой в деревне косы. Шляпку я так и несла в руках весь обратный путь, солнце ведь уже не припекало.

Быстро смотрела платье спереди, повернулась спиной к Марте. Она одобрительно кивнула, к счастью, пятен я умудрилась не посадить.

– Где они?

– В малой гостиной.

– Хорошо, – кивнула я, – пусть кто-нибудь сторожит под дверью, вдруг что понадобится.

Ещё раз вдохнула, выдохнула и степенно, как и полагается благородной барышне, поднялась по ступенькам главного входа. Миновала переднюю и открыла двери малой гостиной.

При моём появлении из кресел поднялись двое мужчин, и я мысленно застонала.

Ну за что мне такое невезение?

Очень хотелось попятиться, закрыть за собой двери и сбе-

жать. Из усадьбы, из округа, из страны.

Но я расправила плечи, вздёрнула подбородок, нацепила подходящую случаю нейтрально-вежливую улыбку и двинулась вперёд.

– Добро пожаловать в Прайс-хаус, меня зовут Эбилейль Клэптон, я племянница хозяйки. Миссис Прайс с семьёй сейчас в отъезде, они вернутся только завтра...

Всё это время мы стояли друг напротив друга. Я видела, что мужчины чувствуют себя очень неловко. Темноволосый безотрывно смотрел на меня, и выражение его лица было нечитаемым. Вряд ли бы я сумела понять, что он чувствует. А вот блондин порывался что-то сказать, но перебить меня было бы невежливо. И оба были вынуждены выслушивать информацию о моих родственных связях с Прайсами, пока наконец блондин не подкараулил паузу в моём монологе. И когда я сделала вдох, намереваясь лишь перевести дыхание и продолжить «беседу», он умудрился вставить:

– Мисс Клэптон, мы счастливы познакомиться с вами. К сожалению, мы не были представлены, а поскольку мы с другом только приехали и пока здесь никого не знаем, то решили рискнуть и самостоятельно познакомиться с ближайшими соседями. Надеюсь, вы простите нам эту вольность... как и остальные... – я уже собралась было оскорбиться, но блондин продолжал практически скороговоркой. Оказывается, он тоже умеет играть в эту игру. – Меня зовут Вэлдон Хокс, я новый владелец Хокс-парка, а это мой друг – Шей-

нон Гринвуд. Мы счастливы познакомиться с вами и приносим искренние и глубочайшие извинения за нашу предыдущую встречу. Простите нас, мисс Клэптон, мы с Шейноном повели себя недостойно, и если бы мы могли хоть чем-то загладить нашу вину, это был бы настоящий подарок небес. Только скажите, мисс Клэптон, что нам сделать, чтобы вы простили нас...

– Забудем навсегда о том досадном недоразумении, – решила я великодушно, рассчитывая, что если все участники предыдущей встречи забудут о ней, то и миссис Прайс никогда не узнает, в какой ситуации я оказалась. И как от этого пострадала моя честь. – Пусть сейчас будет наша первая встреча. Мистер Хокс, мистер Гринвуд, прошу, садитесь.

Я указала гостям на кресла, из которых они поднялись при моём появлении, а сама опустилась на диван.

То и дело я косилась на мистера Гринвуда, который смотрел на меня так пристально, что это уже становилось невежливым. И при этом он молчал. Не приносил своих извинений, позволяя другу расточать велеречивости от своего имени.

Впрочем, вскоре неловкость начала таять, даже несмотря на молчание мистера Гринвуда. Ведь мистер Хокс говорил за двоих. А иногда даже за троих.

Он рассказал о том, что при жизни никогда не знал своего двоюродного дедушку, коим приходился ему мистер Хокс. Но у старика не было детей, да и более близких родствен-

ников, поэтому Вэлдон унаследовал имение и довольно приличное состояние. Для него самого это было полнейшей неожиданностью, и когда нотариус посетил их дом...

– Представляете, мисс Клэптон, дворецкий сообщил, что меня ожидает душеприказчик покойного мистера Хокса, и у меня от ужаса онемели пальцы, ведь я подумал, что скончался мой глубокоуважаемый батюшка или дядя. Я не был до конца уверен. Но когда он заговорил о Хокс-парке, я очень удивился, ведь наше имение называется иначе...

За полчаса я узнала многое. О том, что мистер Хокс и мистер Гринвуд учились вместе в университете, о том, какие дисциплины они изучали, о том, что дорога сюда оказалась гораздо лучше, чем они оба ожидали, и даже разбойников им не встретилось. В Хокс-парке они с мистером Гринвудом останутся до конца лета, ведь нужно же определить в какой степени запущенности достались ему дела.

Мистер Хокс прекрасно поддерживал беседу в ситуации, когда остальные собеседники либо молчат, либо отшучиваются двумя-тремя словами. Казалось, его это совершенно не смущало. И я была чрезвычайно за это признательна новому соседу. Потому что сама никак не могла перестать думать о том, почему Шейнон Гринвуд так на меня смотрит.

Внимательно. Пристально. Позабыв о приличиях.

– Мистер Гринвуд, – наконец я не выдержала и, выждав паузу в разговоре, спросила: – А как вам понравились наши места?

И посмотрела прямо ему в глаза. Думала смутить его этим, показать, что он ведёт себя невежливо. Но Гринвуд не отвёл взгляда и ответил мне хрипловатым голосом:

– Я никогда не видел ничего красивее, – при этом он по-прежнему смотрел мне в глаза. И я почувствовала, как по коже побежали мурашки. Смутилась и разозлилась одновременно. Что этот столичный выскочка себе позволяет?

Какой невоспитанный мужлан! Вот уж точно – первое впечатление самое верное.

Хорошо, что мистер Хокс оказался не таким. Этот молодой человек произвёл на меня самое благоприятное впечатление. Своей вежливостью, умением поддержать беседу и тем искренним раскаянием, с которым он сожалел о нашей неудачной первой встрече.

Точнее о первых двух неудачных встречах, если уж быть совсем откровенными.

При этом Вэлдон Хокс был так мил, что я ему к концу нашей получасовой беседы всё простила, решив, что большая часть вины лежит на его друге, молчаливом и невоспитанном Шейноне Гринвуде.

Гости отказались от повторного чая, а на ужин пригласить молодых людей незамужней девушке не позволяли приличия. Поэтому мы распрощались с мистером Хоксом добрыми соседями и почти что друзьями. Он обещал, что завтра или послезавтра они снова придут, чтобы познакомиться с тётушкой и остальным семейством.

Я проводила их на крыльцо и долго смотрела вслед, пока мужские силуэты не растворились в подступающих сумерках.

* * *

– Как тебе показалась племянница хозяйки, Шейн? – обратно в Хокс-парк возвращались неспешным шагом. Здесь всего четыре мили, отчего бы и не прогуляться? Тем более погода стояла прекрасная. – Мне она показалась прехорошенькой. Особенно без одежды.

Вэлдон засмеялся своей шутке. Шейнон в ответ нахмурился ещё больше, хотя он не переставал хмуриться с самой встречи с мисс Клэптон.

– По-моему, некрасиво получилось, – ответил Гринвуд. – Мы обидели юную девушку и отнесли к этому слишком легкомысленно.

– Но ведь она сама сказала, что предлагает забыть ту неловкую ситуацию, – Хокс удивлённо взглянул на Шейна, и тот вынужден был пояснить другу.

– Такое разве забудешь?

– Это да, – мечтательно согласился Вэлдон, сорвав ромашку и задумчиво обрывая по одному лепестки. – Но знаешь что... – придя к какому-то решению, он отбросил опустевший стебелёк, остановился посреди тропы прямо перед Шейном и вдохновенно сообщил: – Я всё исправлю. Я за-

ставлю её позабыть о том недоразумении и докажу, что я достойный человек, заслуживающий доверия. Ты ведь не против, если я за ней поухаживаю?

– Нет, – буркнул Шейн и, обойдя друга по траве рядом с тропой, пошёл дальше.

– Ну вот и замечательно, – просиял Хокс, не обратив внимания на маневр Гринвуда. – Ты в курсе, что в этих местах сплошной чернозём? Надо узнать, что тётка даёт за нашей мисс Клэптон. Глядишь, и осяду здесь. Матушка давно говорит, что мне пора остепениться.

Вэлдон заметил, что его друг ушёл далеко вперёд по тропе и поспешил его догнать.

– Шейн! Эй, Шейн, ты меня вообще слушаешь?

– Приходится, – пробормотал Гринвуд, не оглядываясь.

Глава 7

Утро началось непривычно рано.

Ещё вчера мы с Несой и Исой договорились, что встанем пораньше, чтобы успеть с уборкой. Ведь вчера я устроила всем нам незапланированный выходной, и теперь придётся навёрстывать упущенное время.

А дел было невпроворот.

Поскольку точного времени возвращения моих дражайших родственников мы не знали, я решила, что нужно всё сделать до обеда, подсчитав, что раньше они вряд ли управятся. Просыпаются мои кузины самое раннее в десять часов, потом полчаса на туалет, час на завтрак и два на дорогу.

Вот на этот минимум и будем рассчитывать, чтобы потом не оправдываться перед внезапно явившейся тётушкой.

Когда я вошла в кухню, обе служанки уже были там. И Неса, и Иса нещадно зевали.

– Сделай нам бодрящий отвар, – попросила Неса.

– Пожалуйста, – протянула Иса, делая большие просящие глаза.

– Конечно, сделаю, – я засмеялась, – а вы пока приготовьте завтрак. Неса, порежь хлеб и сыр. Иса, пойдёшь, собери свежие яйца.

Девушки дружно застонали. Они-то надеялись, что вместе с отваром я озабочусь и едой. А я озаботила их. Но спо-

ритель не стали, понимая, что время нам тянуть не стоит. Это со мной они могли покапризничать и даже высказать иногда своё несогласие, но миссис Прайс боялись все без исключения обитатели усадьбы.

Я развела огонь, убрала два чугунных кольца с плиты и поставила чайник на открытое пламя, чтобы скорее закипел.

Травы Марта хранила за печью: часть висела на стене в сильно прореженных пучках, часть в почти пустых уже холщовых мешочках лежала в сухом закутке. Это был прошлогодний сбор, и оставалось немного.

Травы начинают собирать в день Жеаны, тогда они вступают в полную силу и охотно делятся ею. Если собрать раньше, то получишь обычный травяной чай без особой пользы. Эти травы я собирала сама, они были правильные, исполненные силы.

Я взяла несколько листочков камнеломки, добавила веточки малины, ежевики и земляники, положила всё это в глиняный заварочник. Нашла корень дикого перца, измельчила и добавила к травам. Пока возилась, вода вскипела, и я залила сбор кипятком.

– Доброе утро, ранние пташки, – поздоровалась Марта, на ходу убирая волосы под чепец. – Ты уже и печь затопила? Спасибо, Эби.

– Присядь с нами, позавтракай, – попросила я.

– Эби заварила бодрящий отвар, – похвасталась Неса.

– А я принесла яйца, – сообщила Иса, показывая напол-

ненную корзину. – Сегодня двадцать девять нашла.

– Не забудьте оставить для Юлии, – напомнила я, и служанки с поварихой захихикали. Да и сама не удержалась, губы так и раздвигались в улыбке.

Юлия у нас решила, что обладает поистине чудесным голосом. Матушка и сестрица её в этом убеждали. Брат пару раз попытался донести своё мнение, но его обозвали нечувствительным к искусству мужланом и слушать не стали.

Поскольку петь пока у кухни не получалось, она часто не попадала в ноты и быстро начинала сипеть, то было решено исправить ситуацию куриными яйцами. Говорят, они помогают. Вот уже с месяц Юлия каждое утро натошак выпивала пять сырых яиц. Морщилась, давилась, но терпела ради того, чтобы порадовать своего жениха красивым полновучным голосом.

К счастью, вернётся он ещё нескоро, так что у Юлии есть все шансы сделать ему сюрприз. А пока она без устали тренировалась, испытывая на прочность терпение обитателей усадьбы.

Марта сварила яйца, и через несколько минут мы уже завтракали ломтями вчерашнего хлеба с кусками мягкого сыра и запивали всё это ароматным отваром. Уже после десятка глотков я почувствовала, как сонливость уходит, глаза открываются, а мир вокруг наполняется яркими красками.

– Эби, ты просто волшебница, – прокомментировала Неса эффект отвара.

– Скажешь тоже, – отмахнулась я, – просто травы собраны в день Жеаны, поэтому так охотно делятся силой.

– В этот раз мы тоже хотим пойти с тобой, чтобы побольше собрать, можно? – Иса снова сделала просящие глаза.

– Если тётушка отпустит, – не поддалась я и встала из-за стола. – Пора за работу.

Начать я решила с хозяйских комнат. Остальное, если и не успеем, всегда можно сделать позже, чем отговориться, я найду. А уж в своей спальне тётушка точно заметит – стало свежее или нет.

Поэтому я во главе своего импровизированного отряда, вооружённого тряпками и ведрами с водой, бодро поднялась на второй этаж. Мы безжалостно содрали с кроватей постельное бельё, выбросили из окон подушки на заранее расстеленные покрывала. А затем вынесли и перины, правда уже по лестнице.

Слишком тяжёлые, могли и порваться ненароком.

Всё это было безжалостно бито палками, пока последняя пылинка не покинула набитые перьями чехлы, а затем оставлено сушиться на солнце. Бельё мы отнесли в дальний закуток в кухне и сложили в уже и так наполненные плетёные корзины в половину человеческого роста.

Завтра придётся заняться стиркой.

В разгар пыльно-перьевого сражения пришла Тина, ведь отпущенные тётушкой три дня уже истекли. Вчера она и так отдыхала лишнее и теперь волновалась, чтобы хозяйка не

узнала.

Я не стала прогонять подругу или уговаривать пощадить себя. Пусть все видят, что Тина честно работает. Ей и так пришлось нелегко, не стоит рисковать.

До этой истории со Стерном Тина выполняла обязанности горничной. И мы решили, что, пока нет тётушки, она вернётся к прежней работе. А там уже как решит хозяйка.

Спальни мы вымыли тщательно, в восемь рук. Даже не пришлось звать конюха или садовника, чтобы помогли передвинуть кровати. Перетряхнули все вещи в шкафах, сложили заново и переложили мешочками с ароматными травами. Пока я оставила прежние, ещё отдававшие еле слышный запах. После дня Жеаны сошью новые со свежими цветами.

Вчетвером работа спорилась. После полудня мы уже закончили уборку на втором этаже.

Я оглядела проделанное придирчивым взглядом. В открытые окна рвался свежий воздух, стёкла были идеально прозрачными, как будто их и вовсе не было. Лакированные поверхности блестели, а матовые темнели чистотой. Постели были чистые и так и манили прилечь.

– Ох, – застонала Неса, разгибая натруженную спину.

– Ах, как я устала, – присоединилась к ней Иса, делая вид, что сейчас упадёт.

– Молодцы, девочки, – подбодрила я их. – Убирайте инвентарь и идите в кухню. Марта обещала испечь нам щавелевый пирог.

– Щавелевый пирог! – закричали обе и, подхватив тряпки и вёдра, ускакали вниз по лестнице.

– Забыли, что только что умирали от усталости, – усмехнулась Тина.

– Как ты? – я не поддаюсь нарочитому веселью подруги, видя за ним глубокую тоску.

– Хорошо, – ответила она и с жаром добавила: – Нет, правда хорошо. Бернет – очень добрый человек. И я понимаю, как мне повезло. Я ещё люблю Стерна и скучаю по нему, но поверх этих чувств лежит благодарность к Бернету. О лучшем муже я и мечтать не могла. И знаешь... – она покраснела и отвела взгляд, но всё равно призналась: – Я решила, что стану ему настоящей женой.

Мы одновременно оглянулись на лестницу, у которой стояли. Не приведи боги, ещё подслушает кто столь личный разговор.

– Думаю, что ты правильно решила, – поддержала я подругу. – Вы оба хорошие люди и заслуживаете счастья.

– Он сказал, что примет малыша, – Тина положила ладонь на пока ещё плоский живот и улыбнулась. В её глазах блеснули слёзы, но теперь я знала, что она точно справится.

– Всё будет хорошо, – пообещала я ей и предложила: – Пойдём к Марте, пока эти попрыгушки всё не съели.

Щавелевый пирог был бесподобен. С хрустящей румяной корочкой и горячей начинкой, сладкой и одновременно кисловатой.

– Марта, я тебя обожаю, – озвучила общее мнение Несы.

– И твои пироги тоже, – добавила Иса.

– Спасибо, девочки, – повариха зарделась, вытирая вспотевшее от горячего отвара лицо краем фартука. – Эби, как думаешь, хозяева вернутся сегодня? Готовить мне ужин?

– Не знаю, вернутся ли, но лучше подготовь лёгкие закуски на ужин. Вряд ли они захотят перед сном чего-то серьёзного. А вот завтраком я бы озаботилась. На всякий случай.

Остальная часть дня и вечер прошли спокойно. Мы замочили бельё для завтрашней стирки. Потом Ису с Несой я попросила помочь Бирну с сорняками (ведь от моей помощи он неизменно отказывался), а сама пошла провожать Тину.

Мы дошли вместе до реки и там простились. Я долго смотрела, как моя подруга резво шагает вдоль берега. Её походка была лёгкой и пружинистой, как у человека, который спешит вернуться домой. Значит, ей и правда там хорошо. Несмотря на сегодняшний разговор и признания Тины, я всё равно немного сомневалась. Слишком мало знала Бернета, да и привыкла считать его нелюдимым медведем. Сложно так сразу переменить своё мнение и избавиться от недоверия к нему.

Нужно было возвращаться в усадьбу. Я повернулась, посмотрела на белеющие на фоне листвы дом и службы и... не пошла.

Легла в траву, раскинув руки и ноги, вдыхала свежий аромат, слушала, как поют цикады, и думала. Вспоминала вче-

рашнее знакомство с новым соседом и его другом. И ещё нашу первую встречу. А вот вторую приказала себе забыть, словно её и не было, уж слишком стыдно было вспоминать.

Я не думала, что наше знакомство продолжится. Когда кузины вернутся, молодые люди переключат внимание на них и перестанут меня замечать, как и все остальные наши знакомые. Кроме тех, кто на радость тётушке изводит меня мелочными придирками.

Я лежала долго, пока небо надо мной не начало сереть, а на западе появилась первая яркая звёздочка. А потом пошла домой.

Шла медленно, словно чувствовала, что спокойной жизни вот-вот придёт конец. И оказалась совершенно права.

Ночью вернулась тётушка, и началось безумие.

Глава 8

Меня разбудил гневный вопль.

Спросонья я решила, что началась гроза, и подбежала к окну, чтобы закрыть его. Но быстро поняла свою ошибку, с первого этажа в мансарду доносились такие вопли, что сложно было с чем-то перепутать.

Я накинула халат на ночную рубашку, запахнула его, проследив, чтобы даже краешка белой ткани не было видно. Накинула на голову чепец, поскольку заплетённая ночь коса наверняка уже растрепалась.

И побежала вниз.

В полутёмном холле кипела жизнь. Большую люстру под потолком зажечь не успели, и слуги бегали, держа в руках свечи. Из-за этого казалось, что по дому носятся маленькие жёлтые огоньки.

– Лентяи, всех запорю, совсем от рук отбились, – надо всем этим хаосом стояла тётушка и щедро сыпала ругательствами и угрозами. – А-а, проснулась наконец, неблагодарная, – миссис Прайс соизволила заметить меня. – Почему нас никто не встречает? В доме – потёмки. Ужин не готов. Сколько я должна ждать?

– Простите, тётушка, мы ждали до полуночи и решили, что вы уже не вернётесь сегодня, – я присела в приветственном реверансе.

– Решила она... – протянула миссис Прайс. – Твоё дело не решать, а исполнять то, что я скажу. Лучше бы ты решила отправить кузнеца нам навстречу, чтобы Алексу не пришлось скакать по деревням и искать помощь, пока мы с девочками, уставшие, напуганные и замёрзшие, сидим в сломанной карете. Наши комнаты готовы?

– Да, тётушка, мы всё убрали, перестелили бельё и...

– Мне не интересны подробности, приготовь девочкам горячую ванну. И мне тоже. Потом ужин...

– Лёгкий, – донеслось из гостиной, и сквозь открытую дверь я увидела сидевших на диване и жавшихся друг к другу Анну и Юлию.

– Да, лёгкий, – подтвердила миссис Прайс. – Мы не хотим располнеть, как эта глупая курица миссис Торнби. Она была совершенно невыносима, не правда ли, девочки? – тётушка на секунду отвлеклась и тут же повернулась ко мне: – Чего ты стоишь? Быстро!

Я помчалась в кухню, чтобы растопить печь. В темноте споткнулась о приготовленную к утру стопку дров, которые задела кочергу. Что-то больно упало мне на ногу, и я зашипела. Правда, этого среди грохота было уже не слышно.

– Кто здесь? – слышался испуганный голос поварихи, неосмотрительно оставшейся ночевать сегодня в кухне.

– Марта, прости, это я, – призналась покаянно, – тётушка приехала.

– Ох, Эби, как же так... У меня ничего не готово! Сейчас

приду, растопи пока печь.

Я уже засветила лучину и зажгла свечи. Стало хотя бы видно, что где лежит.

За занавеской, где устроилась на ночь Марта, слышалась какая-то возня, а потом её голос тихим, но разборчивым шёпотом велел:

– Уходи быстро, да чтоб тебя никто не видел.

Дрогнула занавеска, как будто чья-то рука хотела её отвести в сторону, чтобы выйти. Но снова слышалась возня.

– Да куда ты, дуралей? – снова зашептала Марта. – Тут Эби. Через заднюю дверь.

Скрипнула и захлопнулась дверь. Возня и шаги наконец стихли, из-за занавески доносился лишь шелест надеваемой одежды.

Я изо всех сил старалась не рассмеяться. Вот же не повезло Марте – только решила личной жизнью заняться, а тут тётушка вернулась, и я пришла совсем не вовремя.

Когда в печи разыгрался огонь, стало немного уютнее. Я подняла кочергой чугунные кольца и поставила чайник на плиту.

Из-за занавески вышла Марта, полностью одетая и невозмутимая. Только по бросаемым на меня то и дело искоса взглядам было видно, что повариха старается определить, сколько я слышала и что поняла. И стоит ли поговорить со мной об этом сейчас и попросить молчать или сделать вид, что ничего не произошло.

– Всё в порядке, Марта, меня это не касается, – решила я её внутренние метания. – Давай думать, что можно быстро подать тётушке и кузинам с Алексом.

Марта приободрилась после моих слов и начала ревизию припасов.

– Есть варёная курица, сыр, ещё осталось немного щавелевого пирога, – перечисляла она.

– Отлично, нарежь куриную грудку, а я сбегая в огород, поищу чего-нибудь для салата.

В этот момент в дверь просочилась зевающая Белька, которую, похоже, даже поднятый тётушкой шум не сумел разбудить. Пришлось кому-то подниматься.

– Пусть Беля сбегает, – предложила Марта, для которой моё присутствие в сложных ситуациях служило якорем, за который она цеплялась изо всех сил.

– Там темно, я быстрее справлюсь, – отмахнулась от просьбы, – пусть Беля хлеб тоненько нарежет. У неё хорошо получается.

Я вышла на улицу через заднюю дверь. И сад, и огород заливала непроницаемая чёрная тьма, которую не могло рассеять даже далёкое мерцание звёзд и тонкий серпик луны. Я не зря пошла сама, Бельке пришлось бы отдать одну из двух имеющихся у нас свечей. А меня растения словно звали, я могла бы найти нужное даже с завязанными глазами.

Быстро нашла стебли сладкого перца и сорвала толстенький плод с гладкими красными боками, отломив несколько

хрустких стручков зелёного горошка, нарвала пучок душистой зелени. И поспешила обратно в кухню.

Передала овощи и зелень Бельке, чтобы вымыла и порезала, а сама отправилась заваривать чай. Выбрала травы с успокаивающим действием. Тётушка явно раздражена, ей пригодится.

И нам всем тоже.

Заглянувшей через полчаса Несе я вручила один из подносов. Второй отдала Бельке, а третий понесла сама.

Ничего, осталось вытерпеть ещё немного, и родственники лягут спать. Тогда в усадьбу снова вернутся покой и тишина.

Жаль, ненадолго.

Поздний ужин проходил в небольшой комнатке на втором этаже, называемой семейной гостиной. Здесь иногда по вечерам собирались члены семьи, только свои, никаких гостей.

Тётушка и кузины успели принять ванну и надеть удобные домашние платья. Ваннх комнат в доме было три, поэтому Алексу пришлось отложить омовение на после ужина.

Мы со служанками перенесли к дивану стоящий у окна стол, расставили тарелки, принесли стулья и отошли к двери, молча ожидая новых приказаний или позволения пока удалиться.

Видимо, тётушка соскучилась, поскольку отпускать никого из нас она не спешила.

– Эбилейль, подойди сюда, – велела она, доев свою порцию салата и кусок пирога.

Я подошла ближе и встала у стола, наблюдая, как Анна манерно ткнула вилкой горошину. Та отскочила к краю тарелки, перепрыгнула его и покатилась по столу. Я тихонько хмыкнула, сдерживая смех. Но кухня услышала, обожгла меня гневным взглядом и бросила вилку, беспомощно звякнувшую по фарфору.

— Гадость какая-то, — она скривилась, словно съела что-то испорченное, стянула с колен накрахмаленную белоснежную салфетку и кинула её на тарелку с остатками еды.

А потом посмотрела на меня с торжествующим выражением, мол, теперь-то не будешь смеяться? Не буду, поскольку пятна от еды с салфеток отстирывались крайне сложно. А если я посмею оставить мельчайший след, пусть даже и совсем бледный, тётушка мне этого не спустит.

Анна прекрасно об этом знала и смеялась, потому что мне уже было не до смеха.

— И всё-таки я бы прикупил пару щенков у мистера Торнби, — продолжил Алекс, видимо, начатый ранее разговор. — Наши гончие уже ни на что не годны. Такие старые, не то что зайца, ёжика не догонят.

— Но ты же не охотишься, дорогой, — заметила миссис Прайс.

И это было разумное замечание, поскольку Алекс с детства терпеть не мог охоту. Может, потому что ни разу ни в кого не попал. А может, потому что однажды попался в свою же петлю, поставленную на кабана, и висел вниз головой с

полчаса, пока его крики не услышали другие охотники и не спустили на землю.

– Не охочусь, потому что у меня нет нормальных собак и загонщиков. Были бы, и я обеспечивал нашу семью свежим мясом круглый год.

В этот раз я разумно удержалась от смешка. Алекс не блистал умом, но насмешек над собой не сносил. Вряд ли бы у него получилось так тонко меня унижать, как это делала Анна, вот только проверять, на что кузен способен, я не собиралась. У нас с ним всегда был паритет: он не трогал меня, я – его. И всем было хорошо.

– Отличная мысль, дорогой, мы об этом ещё поговорим, – решила миссис Прайс, поворачиваясь ко мне: – Ну, рассказывай, чем вы, бездельники, занимались, пока я была в отъезде.

– Мы с Исой и Несой занимались уборкой дома. Ваши постели вычистили и просушили, комнаты вымыли, – начала я перечислять быстрой скороговоркой. – Марта убирала кухню. Тим помог ей почистить трубу. Бирн почти закончил горку, скоро будет сажать растения. А ещё мы замочили бельё, завтра... – я бросила быстрый взгляд в окно, где уже начинала сереть полоска рассвета, – сегодня будем стирать.

– И всё? – тётушка приподняла брови в нарочитом удивлении. – Больше ничего не делали?

Я молчала. Как назло, в голову больше ничего не приходило. Сейчас начнутся крики и ругань.

Тётушка отхлебнула ещё чаю, и я вдруг поняла, что она молчит. Наверное, травы подействовали. Похоже, сегодня скандала не будет. Я даже приободрилась от этой мысли и решила спросить.

– Тётушка, Тина помогала нам эти дни в работе по дому. Она по-прежнему останется горничной?

– Пусть остаётся, пока кузнец не выкупит её.

– А ещё, тётушка, вы позволите мне пойти за травами в день Жеаны?

– Хорошо, позволяю, – миссис Прайс зевнула, прикрывая рот кулаком.

– Матушка, тебе не кажется, что ты слишком много ей позволяешь? – а вот Анна отвар не пила, смотрела на меня зло. Вот и чего её неймётся?

– Ты права, дорогая, я слишком добрая, – тётушка снова зевнула. – Так она скоро совсем от рук отобьётся. Что ты стоишь, Эбилейль? – миссис Прайс снова повернулась ко мне: – Убирай со стола и отправляйся стирать. Уже утро.

– Да, тётушка, – я присела, а потом подала знак служанкам, чтобы несли подносы.

Пока мы убрали посуду и остатки еды, Алекс с Юлией, пожелав матери и сестре спокойной ночи, отправились спать. А миссис Прайс с младшей дочерью отошли к окну.

– Так что ты думаешь о старшем сыне миссис Торнби? Мы разговаривали о вашем будущем, и Гертруда совсем не против взять тебя в невестки...

– Ну, мама, – перебила её Анна, – он же такой жирный и противный. Не хочу я за него замуж.

– Не такой уж и жирный, – парировала мать, – разве что малость полноват, но это легко исправить, если не будешь его кормить сдобным тестом. Ты видела, как Гертруда постоянно подкладывала ему на тарелку кусочки получше?

– Он мямля, – не сдавалась кузина, – и маменькин сынок. А ещё у него рот слюнявый, как с ним целоваться?

– Анна! – повысила голос тётушка и тут же оглянулась на нас, не подслушиваем ли. – Не смей произносить такие вещи перед слугами. Они и так себе позволяют боги знают что, не представляю уже, как держать их в узде.

Я поставила на поднос кувшин с отваром и двинулась к двери. Напоследок услышала:

– Зато Сетон Торнби наследует имение родителей. Выйдя за него замуж, ты станешь хозяйкой собственного поместья и деревень. Ты же хочешь этого?

– Хочу.

– Вот и будь хорошей девочкой, подумай.

Похоже, тётушка не просто так вдруг отправилась в гости к дальним соседям. Что ж, если она выдаст Анну замуж, здесь будет немного спокойнее.

Я спустилась в кухню, чтобы помочь Марте с посудой. Ису и Несу отправила досыпать оставшийся час.

Мне ложиться смысла уже не было. Лучше я наношу и нагрею воды для большой стирки.

На отвар ушли последние запасы дикого перца. Теперь до дня Жеаны взбадривать себя нечем, придётся высыпаться по-настоящему. Хорошо, что ждать осталось недолго.

Пока заваривались травы, я несколько раз сходила к колодцу за водой. Марта помогла мне поднять на плиту большой чан с замоченным в кислом молоке бельём, пусть немного прокипит.

Мы с Мартой сидели за столом, прихлёбывая отвар из глиняных кружек, и думали каждая о своём.

Пришли служанки и подсели к нам. Они тоже были неразговорчивы и постоянно зевали. Но вскоре травы подействовали, и девчонки загалдели о чём-то своём. Я не вслушивалась, тем более что вода с бельём закипела, наполняя кухню паром и запахом кислого молока.

– Пора, – скомандовала я, и Неса с Исой тут же отставили кружки.

Через заднюю дверь мы вынесли чан на улицу. Я бросила в него корень мыльнянки и мешала длинной палкой, пока на поверхности не выступила пышная пена. Затем ещё горячее бельё мы доставали скалками, наматывали и прокатывали рубелем по скоблёным лавкам. Вскоре заныла спина, горели обожженные кипятком руки, волосы липли к вспотевшей коже.

И я вспомнила, как племянница миссис Гаррис рассказывала, что в столице изобрели стиральную машину. В неё нужно положить бельё, налить воды и бросить мыльный ко-

рень, а дальше машина всё сделает сама.

Признаюсь, тогда я подумала, что Олефия сочиняет, уж слишком неправдоподобно это звучало. Но сейчас я бы не отказалась от такой машины.

Жаль, что всё это лишь фантазии.

Постепенно пустые корзины наполнялись выстиранным бельём, но и приближалось время хозяйского завтрака. Поэтому я решила оставить дома Несу, чтобы было кому подать Прайсам еду, а с собой на речку взять Бельку.

Конюх Прин уже запряг в телегу старенькую спокойную лошадку, которую мы обычно использовали для хозяйственных нужд. Мы погрузили корзины на устланное соломой днище, забрались сами и не спеша двинулись к реке.

Лето пело неумолчными голосами сверчков, с крайнего луга доносились переключки косарей, в противоположной стороне звучала пастушья свирель. Я откинулась на телегу, давая спине отдохнуть, и прикрыла глаза.

Прин, уставший ехать в тишине, затянул весёлую песенку про мельника, встретившего русалку. Белька, нещадно фальшивя, ему подпевала. А Иса хохотала, сравнивая её пение с голосом младшей барышни.

Наконец подъехали к реке. Берег в этом месте был низким, и лошадка подошла к самой воде. Прин помог нам спустить на песок корзины и повёл свою каурку погостить в зелёной траве, да и сам, наверное, собирался вздремнуть, а может, и пособирать грибов или ягод в ближайшей роще.

Здесь Сора делала очередной изгиб и замедлялась. Течение было еле ощутимым. Дощатые мостки врезались далеко в берег, чтобы удобно было заходить, а потом вели чуть ли не до середины русла. С десятков прачек могли работать одновременно и не мешать друг другу. Я разделила корзины и потащила свою на самый край настила. Люблю, когда просторно и глубоко.

Встала на колени, опустила первую простыню в воду, нарушая спокойную гладь. Белая пена поднялась пузырьками и не спеша поплыла вниз по течению. Я хорошенько выполоскала простыню, отжала и бросила в пустую корзину. За спиной слышался хохот балующихся девчонок, летели брызги, Впрочем, опадая далеко от меня.

Я закончила с первой корзиной и только принялась за вторую, как тишину спокойного дня прорезал крик:

– Эби! Эби!

Я не без труда выпрямилась, вытирая мокрый лоб о плечо, и повернулась в сторону берега. К нам бежала Неса, размахивая руками и беспрестанно выкрикивая моё имя.

– Что случилось?

Иса с Белькой перестали дурачиться, тоже выпрямились, недоумённо поглядывая то на бежавшую подругу, то на меня.

Я не пошла навстречу Несе. Натруженная спина ныла, не хотелось делать лишних движений.

– Эби! – по доскам заколотили неподбитые подошвы. –

Домой! Быстро!

На большее служанки не хватило. Остановилась в нескольких шагах от меня, уперлась ладонями в колени, часто дыша. А я ждала, давая ей время прийти в себя. И себе тоже. Прямо сейчас сорваться с места и помчаться в усадьбу я не могла.

– Эби, – наконец Неса смогла говорить членораздельно. – Хозяйка сказала, чтобы ты бросала всё и бежала домой. А я тебя заменю.

Ну раз хозяйка сказала, значит, дело очень срочное. И правда, нужно бежать. Я обула туфли, сброшенные на берегу, чтобы не замочить, и, наказав служанкам, чтобы хорошенько выполаскивали мыльнянку, двинулась в обратный путь.

Дорога к речке на телеге занимала четверть часа, пешком обратно я шла в два раза дольше. Пару раз попыталась бежать, но очень скоро перешла на быстрый шаг. И всё равно к усадьбе я вышла запыхавшейся и мокрой от пота.

– Ну наконец-то! – у задней двери меня поджидала Юлия. Кузина подхватила меня под руку и потянула в дом: – Пошли скорее. Все ждут только тебя.

Глава 9

– Как думаешь, милашка мисс Клэптон ждёт нас? – у Вэлдона было преотличнейшее настроение.

Он с трудом выдержал вчерашний день, и только разумные доводы друга помешали ему сорваться. Шейнон убеждал, что хозяйка усадьбы могла ещё не вернуться, и тогда они поставят мисс Клэптон в неловкое положение. Всё же молодые люди, зачастившие в гости к юной девушке, которая находится одна в доме, – это весьма подозрительно и может дурно сказаться на её репутации.

Хокс прислушался и согласился подождать. Но только один день. И вот наконец-то этот безумно длинный день прошёл. Минул. Закончился. И всё утро, с самого пробуждения, у Вэлдона было преотличнейшее настроение.

В гости он собрался сразу после завтрака, который для привыкшего вставать очень рано Гринвуда был обедом. В этот раз молодые люди решили отправиться в соседнее поместье верхом. И когда проезжали вдоль берега, Хокс то и дело привставал в седле, словно надеялся вновь увидеть обнажённую купальщицу.

Мрачное настроение друга и хмурое выражение его лица на Вэлдона сегодня не действовали. Он был намерен свести приятное знакомство и не собирался отступать.

В отличие от их прошлого визита сегодня в усадьбе было

людно. Кипела жизнь, перекрикивались мастера, то ли споря о чём-то, то ли договариваясь.

Шейнон и Вэлдон подъехали сбоку по довольно широкой нахоженной тропе. Люди останавливали работы, провожали гостей взглядами, начиная о чём-то вполголоса переговариваться. Одним словом, разглядывали чужаков во все глаза, но близко к ним никто не подошёл.

И когда друзья остановили лошадей посредине двора, ожидая помощи конюха или его помощников, ничего не изменилось.

– Эй, любезный! – Шейнон был вынужден окликнуть ближайшего мужика, заросшего по самые брови бородой, – позови конюха.

– Так это... – любезный почесал макушку, видимо, стимулируя мыслительный процесс, – нету Прина. Уехал с девками полоскать на речку.

Вэлдон впал в ступор от такого тёплого приёма, поэтому Шейнон не позволил другу вступить в переговоры с мужиком. Терпеливо договаривался сам.

– Тогда позови его помощника, – терпению Гринвуда можно было только позавидовать.

– Так это... – мужик снова зачесал голову: – нету у Прина помощников.

У Вэлдона при этом известии и невозмутимом виде туповатого мужика сделалось такое лицо, что Шейн, не выдержав, хмыкнул, а затем соскочил на землю.

– Мы приехали в гости к вашей хозяйке, заberi лошадей, привяжи в тени и напои, – пришлось по пунктам расписать необходимые действия, и то Шейнон не был уверен, что мужик ничего не забудет или не напутает. Повернулся к всё ещё восседающему на коне Вэлдону: – Идём, тут о нас вряд ли доложат.

Хокс прыгнул на утоптанную землю двора и протянул поводья всё же подошедшему мужику. Он по-прежнему недоумевал. Вэлдон привык, что все его пожелания и повеления исполнялись не просто по первому требованию, но ещё и до того. Из столицы он привёз экономку своей матушки, у которой вся прислуга была вышколена и хорошо знала свои обязанности. Поэтому у обитателей Хокс-парка не было ни единого шанса на нерасторопность.

В первый визит к соседям молодые люди пришли пешком и не озаботились поисками конюха, да и возле дома никого не было. Они сами поднялись по ступеням и прошли несколько комнат, прежде чем им встретилась служанка, сообщившая, что хозяева уехали к некой миссис Торнби, а оставшаяся дома племянница хозяйки куда-то вышла, но должна вот-вот вернуться. В первый раз молодые люди не заострили на этом внимания. Хозяев нет, гостей не ждали.

К тому же встреча с мисс Клэптон сгладила все углы.

Но сейчас в глаза бросилась нарочитая провинциальность, отсутствие элементарных знаний правил хорошего тона.

Вэлдон немного оторопел и молчал до самого крыльца, а

потом что-то для себя решил и снова воспрянул духом:

– Дорогой друг, может, и нам стоит проще ко всему относиться? Всё-таки мы приехали в деревню, здесь сельский уклад и другой уровень... – он покрутил рукой, подбирая слово, – хм... комфорта.

В этот раз их встретили на крыльце. Точнее чуть не сбила с ног выбегавшая из дома служанка. Она врезалась в Гринвуда, который поймал девушку и удержал, позволяя ей опомниться.

– Ой, здрасти, – удивилась явно узнавшая их девчонка, не спеша, впрочем, выбраться из мужских рук. Шейнон выпустил её сам, убедившись, что служанка уже твёрдо стоит на ногах.

– Здравствуй, милая, – улыбаясь, приветствовал её Вэлдон, – твоя госпожа дома?

– Дома, дома, – охотно поделилась девушка, – сидят все на террасе, чайком балуются.

– Доложи о нас, пожалуйста, – улыбка Хокса стала ещё более дружелюбной, как будто он поставил себе целью обаять каждого обитателя этого дома.

– Пойдёмте, – девушка окинула его оценивающим взглядом и, видимо, оценила высоко, улыбнулась. А потом, резко развернувшись на месте, отчего её юбка хлестнула по ногам, на миг открывая босые ступни, быстро пошла вперёд. Почти побежала. Гости с трудом поспевали за ней.

Они прошли анфиладу комнат, убранства которых Грин-

вуд почти не запомнил, поспевая за провожатой. Отметил только большое количество окон, наполненность светом и кое-где мелькавшие яркие пятна вышитых подушечек на диванах и акварелей на стенах.

Перед двустворчатыми стеклянными дверьми девушка остановилась и обернулась назад.

– Вы с какой целью? – непосредственно поинтересовалась у Гринвуда.

Хокс не сдержал смешка, но всё же пояснил:

– Мы в гости, познакомиться с соседями.

– Ждите здесь, – велела с преувеличенной серьёзностью и осторожно постучала. Женский голос дозволил войти, после чего служанка приоткрыла одну из створок и просочилась внутрь, прикрыв дверь за собой.

– Госпожа, к вам в гости соседи пришли знакомиться, – донеслось негромкое с террасы.

Вэлдон посмотрел на Шейнона, ожидая его реакции. Тот пожал плечами, мол, о чём тут можно говорить, и так всё понятно – сельский уклад.

Сам же сказал.

Наконец створка приоткрылась, и девушка высунула голову, спросив почему-то шёпотом:

– Как вас зовут?

– Мистер Хокс и мистер Гринвуд.

Дверь снова закрылась.

Шейнон прикрыл глаза. Девушка, с которой они познако-

мились два дня назад, была хороша, но манеры её родственников оставляют желать лучшего. Они с Вэлом ещё не успели их увидеть, а уже хочется передумать и вернуться назад в Хокс-парк.

Наконец дверь распахнулась, и служанка объявила:

– Проходите.

Терраса была не слишком большой. Ярда четыре в ширину и где-то восемь в длину. Огорожена невысокой балюстрадой, от центра которой вниз спускались ступени. Они вели к пруду, расположившемуся на острие пейзажного парка.

По центру террасы стоял покрытый вышитой скатертью стол с самоваром, чайными парами и разнообразными лакомствами в блюдечках и корзинках, вокруг него – четыре плетёных кресла.

Слева от входа сидела женщина с желчным лицом, заострёнными чертами и узкими губами, выдававшими стервозный характер. Спинай к пруду и лицом к гостям расположились две юные особы, похожие друг на друга. Их Шейнон принял за сестёр. А справа сверлил гостей глазами молодой человек, их с Вэлдоном ровесник.

Видимо, это и есть хозяйка имения и её дети. Родственники той приятной девушки. Вот только за столом мисс Клэптон не оказалось, и это вызвало вдруг острое сожаление.

– Здравствуйте, дорогие соседи, – хозяйка имения всё же поднялась и двинулась им навстречу, – добро пожаловать в мой дом.

– Очень приятно познакомиться с вами, – Вэл принял и слегка пожал протянутую сухую ладонь и, склонившись, поцеловал кончики пальцев. Женщина просияла. – Меня зовут Вэлдон Хокс, а это мой друг Шейнон Гринвуд.

– Очень приятно, мистер Хокс, мистер Гринвуд, – рука переключалась к Шейну, который сжал пальцы и склонился над ними, но целовать не стал. По этикету и не полагалось, это была личная инициатива друга. Надо сказать, что хозяйка заметила разницу, Гринвуд отметил её выражение лица. Но для него симпатии окружающих не значили так много, как для Вэла. – Меня зовут миссис Прайс, а это мои дети – Юлия, Анна и Алекс.

Девушки, когда называли их имена, поднимались из кресел и приседали в лёгких реверансах, скромно опуская глаза. А молодой человек вышел вперёд и пожал гостям руки.

– Прошу, присоединяйтесь к нам, – миссис Прайс сделала широкий жест рукой и вдруг закричала во всё горло: – Неси! Быстро неси ещё два кресла! И приборы!

Гринвуду очень хотелось прочистить уши, он не был уверен, что появившийся звон – это комариный писк, а не последствия звонкоголосости миссис Прайс.

Кресла были доставлены, вслед за ними появились ещё две чайные пары. Смущающаяся и краснеющая Анна налила гостям ароматного напитка, предложила блюдечки с вишневым и малиновым вареньем на выбор, а также земляничную пастилу.

– Мы были огорчены, узнав о смерти вашего дедушки, – с трагическим лицом сообщила миссис Прайс, которая терпеть не могла старого соседа и называла его не иначе, как пронырой и интриганом.

– Да, это большая потеря для всех нас, – тем же тоном ответил ей Хокс, который знать не знал ни о каком двоюродном дедушке, пока тот не почил и не оставил Вэлдона наследником своего имения.

– А где ваша племянница? – вдруг среди этого обмена любезностями раздался голос Гринвуда.

Кажется, он и сам не ожидал от себя этого вопроса. Забылся, задумался и ляпнул, не подумав обо всех этих политесах. Впрочем, Шейнон и не был специалистом в построении вежливых бесед ни о чём. Обычно он предоставлял другу право говорить от имени их обоих, а сам лишь молча наблюдал.

– Да, действительно, – тут же подключился Вэлдон. – Мисс Клэптон очень гостеприимно встретила нас позавчера, когда вы были в отъезде. И мы с мистером Гринвудом надеялись снова встретиться с нею, чтобы поблагодарить за любезность.

– Моя племянница... – миссис Прайс как-то странно крикнула и переглянулась с дочерьми.

Шейн заметил, что Анна недовольно поджала губы, а Юлия приподняла брови, словно намекая матери о чём-то, понятном лишь членам их семьи. Один Алекс остался спо-

койным к упоминанию кухни, продолжая грызть сдобный сухарик.

– Эби... – начала Юлия, подбирая слова, словно приду-
мывая на ходу, – Эби сейчас гуляет.

– Да, да, – подхватила миссис Прайс, – моя племянница
отправилась на прогулку. Знаете, – добавила она доверитель-
ным тоном, – у Эбилейль не слишком крепкое здоровье. И
доктор Вилсон настоятельно рекомендовал ей гулять после
завтрака.

– Что ж, очень жаль, что мы её не застали, – произнёс
Вэлдон таким тоном, как будто собирался подниматься из
кресла и уходить, раз нужная ему встреча не состоялась.

Гринвуд понимал, что это по большей степени игра, а вот
хозяйки отреагировали как надо.

– Вы не переживайте, Эбилейль сейчас вернётся, – миссис
Прайс подавала дочери какие-то сигналы бровями.

– Уже совсем скоро, – добавила Юлия, кажется, поняв по-
желания матери. – Она всегда возвращается в это время. А
я пойду, попрошу ещё чая.

Юлия вернулась в дом, плотно прикрыв за собой двери. И
Шейнон подумал, что что-то здесь не так.

Глава 10

– Идём быстрее, – Юлия, не отпуская моей руки, побежала по лестнице в мансарду, стуча каблуками по старым доскам.

Мне ничего не оставалось, как следовать за ней, стараясь не отставать, чтобы не упасть, споткнувшись о ступеньку.

– Что случилось? – пыталась я добиться у кузины объяснений столь странному поведению, но она не снизошла.

Так и затащила в мою комнату. Уже внутри отпустила руку и бросилась к шкафу, распахивая створки. А я осталась у двери, глядя, как Юлия хватает с полок мою одежду и бросает её на кровать. Видимо, она не нашла ничего интересного, поскольку открыла второе отделение и вытащила оттуда три мои платья, висящие на «плечиках», чтобы не мялись.

– И это всё? – грозно спросила кузина, презрительно рассматривая лежавшие на кровати наряды.

Я промолчала, хотя очень хотелось высказать, что денег мне за работу не платят, а потому и купить обновки мне не на что. Поэтому одежды у меня было немного. На мне было надето платье служанки, в котором я выполняла самые грязные и тяжёлые работы.

А стирка и полоскание белья в речке относилось именно к таким.

Ещё одно простое домашнее платье. Оно было удобным,

но не годилось для выходов на люди. И два, которые мне подарила сама Юлия. Эти платья были довольно старенькими и уже вышли из моды, но вполне ещё прилично выглядели. А я берегла их, как могла. И была уверена, что они послужат мне ещё не один год.

– Всё, – ровным тоном ответила я.

А что ещё говорить? Больше у меня ничего нет.

К тому же я по-прежнему не понимала причины странного поведения Юлии. С чего бы ей вдруг проводить ревизию моей одежды?

– Тогда... – она приподняла над кроватью два моих платья, те, что когда-то принадлежали ей.

Кузина поочерёдно смотрела то на голубое с незабудками, которое держала в правой руке. То на персиковое с маленькими розочками по подолу, которое было в левой.

– Надевай, – скомандовала она и бросила в меня голубое.

Я быстро выставила вперёд руки, чтоб поймать его. Смотрела на Юлию, всё ещё недоумевая, что происходит. Зачем нужно было срывать меня с работы? Чтобы я примерила платье, которое и так уже носила второе лето?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.